

Peut être Virgile Mosaïque romaine de Tunisie

Древний Рим

и Римская империя

Отсчет собственной истории римляне начинали со времени падения Трои. Во всяком случае, великий Гай Юлий Цезарь вел свою родословную от самого Энея, троянского героя и сына богини любви Афродиты, чей отпрыск Асканий-Юл считался основателем рода Юлиев.

«Умницей оказался Эней, из славного царского рода Дарданов! Бежав из горящей Трои вместе с женой Креусой, сыном Асканием-Юлом и престарелым немощным отцом Анхисом, которого ему пришлось нести до спасительного корабля на плечах, он не стал основывать свое новое поселение в устье Тибра. Зачем? Ведь там было жарко и гадко, а он всего этого хотел избежать. И тогда, следуя советам своей матери Афродиты, богини любви и красоты, он поднялся в Альбанские горы и нашел волшебное озеро, которое лежало в чаше остывшего вулкана и манило своей первозданной прелестью, свежестью и прохладой. Правда, коварная Гера, — не желавшая возвышения сына своей вечной соперницы Афродиты, которой она так и не простила выходку самонадеянного троянца Париса, избравшего на первое место среди олимпийских красавиц именно эту златокуд-

рую, рожденную в морской пене дочь Зевса и прекрасной океаниды Дионы, а не ее, жену Громовержца и самую могущественную женщину Неба, — наслала на залив бурю, и Эней со всеми своими домочадцами и нехитрым скарбом оказался в Карфагене.

Но там он не прижился. И ни любовь красавицы Дидоны, основательницы и первой царицы этого сказочного города, живописно раскинувшегося на острове тунисского мыса, ни предлагаемые царский венец и несметные богатства не смогли стереть из его памяти воспоминания о том чудесном месте, которое он посетил во время своей короткой остановки у берегов Лация. Он вернулся. Хитростью избежав карфагенского сладостного плена не желавшей отпускать его африканской красавицы, что породило в той жгучую ненависть к коварным эллинам-римлянам, которую она сумела передать своим потомкам и которая впоследствии обернулась вечным соперничеством между Карфагеном и Римом, длительными войнами и гибелью финикийской твердыни, Эней стал царем латинян, женившись на дочери их вождя Латина — Лавинии, но основать город на озере так и не успел. Это за него сделал его сын Асканий-Юл, прародитель леген-

Жак Луи Давид.
Клятва Горациев

дарного рода Юлиев, давшего Риму первого императора, а миру – высший титул государственной власти, который с момента смерти последнего стал называться гордым именем – «цезарь/кесарь/царь».

Четырнадцать царей, потомков Аскания-Юла, правили этим славным городом, ставшим столицей Латинского Союза. Но годы всевластия и тирании не проходят даром. И для кого-то венец становится извечным стимулом к стремлению к Небу, его высшим законам справедливости и добра, а для кого-то он превращается в символ вседозволенности, жесткости и неограниченной власти над смертными. Коварный и нечестивый Амулий, нарушив все законы и поправ традицию, свергнул с престола своего старшего брата Нумитора, убил его сына, а дочь его, Рею Сильвию, заставил пойти в весталки, поскольку те давали обет безбрачия и не могли иметь детей. Таким образом, этот самозванец пытался закрепить трон за собой и сво-

ими наследниками. Но всемогущие силы Неба, когда неправда начинает твориться слишком явно, вмешиваются в течение земной жизни и восстанавливают справедливость. Несчастья бедной девушки привлекли внимание самого бога войны Марса, который сделал Рею своей возлюбленной и оросил ее лоно божественной силой. Юная весталка понесла и через девять месяцев подарила миру двух близнецов, Ромула и Рема, сыновей всемогущего Марса и внуков самого Нумитора, а потому имеющих на престол гораздо больше прав, чем выскочка Амулий. Тот, прознав про грех племянницы, расправился с ней так, как требовал того жестокий обычай: Рею Сильвию живьем закопали в землю. Ничего не скажешь! Добрый был дядя Амулий! Детишек же ее он приказал утопить в Тибре. Но, как водится практически во всех тираниях, приказ его не выполнили. Утопить, как котят, новорожденных карапузов – не поднялась рука. А потому их просто уложили в корзину и отпустили на волю волн, так

сказать. Корзина в море не попала, запутавшись в прибрежном камыше недалеко от Палатинского холма, а пришедшая на водопой недавно родившая волчица, услышав плач младенцев, очень сильно напоминая щенячье поскуливание собственных детенышей, за загромок выволокла голодных и продрогших близнецов на сушу, где обогрела и накормила их. Так что пасущий в этих местах своих овец пастух Фастул нашел детей уже вполне здоровыми и весьма упитанными.

Братья подросли, набрались сил, свергли тирана Амулия и вернули престол своему деду. Однако сами оставаться в Альба-Лонге не захотели (и очень зря, заметим), решив основать новое поселение на месте их счастливого спасения, то есть на своей второй родине. Закончилось все это кровавой разборкой, во время которой Ромул прибил единоутробного брата, возвышением Рима и превращением Альба-Лонги в третьеразрядный городишко. Причем столь разительная метаморфоза произошла, как это и полагалось в древности, в результате долгого соперничества двух полюсов, приведшего к открытому вооруженному столкновению.

Во времена правления третьего римского царя Тула Гостилия (673–641 до н. э.) возвысившийся Рим уже не желал признавать первенства Альба-Лонги. Но основанный Асканием-Юлом город также не хотел сдавать завоеванные славными предками позиции. Оба полюса протрубили сбор, и вскоре два враждебных войска сошлись для решающей битвы у стен Рима. Однако здравый смысл присутствовал в большей мере, чем их далеким потомкам. И действительно, зачем уничтожать цвет нации в не знающей разбора рубке, когда можно обойтись малой кровью?! По предложению вождя альбанцев Меттия Фуфетия спор двух городов должен был решиться в единоборстве представителей враждующих сторон. Тот, кто в нем победит, и станет во главе Латинского Союза.

От альбанцев на бой вышли три брата-близнеца Куриации, а от римлян три брата-близнеца Горации. Поначалу бой складывался не в пользу потомков Ромула: два Горация пали смертью храбрых на поле брани. Но оставшийся в живых третий оказался умным малым. Он изобразил испуг, сыграл труса и сымитировал бегство с поля боя. Куриации обрадовались и без оглядки бросились его догонять, отстали друг от друга, а хитрый Гораций вдруг резко обернулся и по очереди зарубил всех троих горцев. Радости римлян не было предела. И лишь одна знатная девушка, сестра Горациев, узнав об исходе поединка, разразилась рыданиями. Оказывается, она была невестой одного из погибших Куриациев и искренне сожалела о гибели суженого. Брат ее не

понял и прекратил терзающие души благочестивых граждан вопли родной сестренки весьма жестоким способом – пронзил ее мечом. Его поступок поднял дух римлян и стал ярким примером истинной любви к родине (sic!).

Тулл Гостилий жестоко расправился с побежденными. Альба-Лонга была разрушена, а ее земли поделили между собой римские патриции. На место когда-то цветущего города пришло запустение. Однако очень скоро в этих местах стали появляться роскошные виллы знати, затем их сменили замки. В XII веке здесь появилась главная крепость – Кастиль Гандольфо, которая принадлежала братьям Симону и Павлу де Кандульфис (Гандольфо). Со временем они продали ее семье Савелли, а те – Ватикану (за вполне приличные, скажем так, по тем временам деньги – 24 тысячи скудо), который превратил этот райский уголок в летнюю резиденцию пап*.

Итак, на карте мирового могущества около 3000 лет назад зародился глобальный проект, который со временем стал обладать всеми необходимыми для империи составляющими:

Значительная территория. В период наивысшего расцвета Риму подчинялись все земли вокруг Средиземного моря, Малая, Передняя и Центральная Азия, Север Европы до Великобритании.

Многоязычный состав. Сабины и вольски, эквы и этруски, самниты и прочие италики, греческие народы и племена Азии, финикийцы на юге и германцы-варвары на севере, галлы на северо-западе и иберийцы на юго-западе – все эти народы управлялись римлянами в течение почти пятисот лет.

Объединяющая идея. Идеология Pax Romana, или «римского мира», основанная на глубоком чувстве патриотизма и идее сакрального величия Рима, его превосходства над всеми другими странами. Римляне не просто покоряли соседние народы – они сразу же подтягивали их до своего уровня развития, внедряя собственные ценности в их повседневную жизнь и быт через институты государственной власти и совместные экономические проекты. С чего начинали? С определения административного статуса покоренной территории, внедрения в ее юридическую практику римских законов; строительства дорог, мостов и акведуков; организации четкой почтовой службы. Идеология Рима носила наднациональный и надконфессиональный характер, что исключало возникновение вражды на национальной и религиозной почве. Все это обеспечивало стабильность государства и его долголетие.

Элита. Ясная идеологическая платформа Рима, основанная на таких важных понятиях, как достоинство и честь, патриотизм и любовь к родине, а также продуманная и рано сложившаяся система

*Отрывок из книги А. Ачлея и С. Норки «Палач», кн. 1.

просвещения народа и воспитания подрастающего поколения позволили сформировать элиту, которая превратила Рим в самое сильное государство в Средиземноморье, чье могущество опиралось не только на силу, но и авторитет справедливости.

Царский период (753–510 до н. э.)

Длился этот период 243 года, в течение которых Римом управляли племенные вожди – рексы (лат. rex). Этот титул не имел ничего общего со словом «царь», само понятие которого, характеризующее высший чин в аристократической иерархии, возникло на семь веков позже и стало производным от имени основателя Римской империи Гая Юлия Цезаря. И почему российские историографы назвали первых римских правителей «царями», не совсем понятно. Справедливее было бы тогда (опять-таки исходя из правил, навязанных заезжими немецкими учеными со времен Петра и Анны Иоанновны) именовать их «королями», поскольку королями (от имени Карла Великого) у нас почему-то окрестили лидеров западноевропейских стран, которые на самом деле являлись теми же «рексами» («ре» – в Италии, «руа» – во Франции и «рой» – в Испании, например). Но не будем отвлекаться от сути нашего повествования и оставим все, как есть: цари – так цари.

Именно первый римский царь, легендарный Ромул (753–717 до н. э.), открыл первый период «малого процветания» в циклической истории будущей империи, которая на момент его интронизации представляла собой небольшой хутор на Палатинском холме, насчитывавший несколько домишек, а в период наивысшего расцвета оказалась самой сильной мировой державой, для которой Средиземное море было лишь внутренним озером.

Несколько слов, так сказать, о геополитической обстановке, сложившейся в мире на момент зарождения нового глобального проекта. Японии не было. Нет, что-то на островах Тихого океана, безусловно, существовало, но это пока никак не ассоциировалось с будущей великой державой. Китай в этом плане преуспел гораздо больше. К моменту образования Рима здесь пала уже третья по счету династия. И хотя могущество государств Ся, Шан и Чжоу сильно преувеличено, они все же занимали значительно большую территорию, чем так называемая *area quadrata*, то есть участок на Палатинском холме, очерченный плугом Ромула 21 апреля 753 года. Евреи к этому времени вовсю делили наследство своих великих царей Давида и Соломона, в ужасе наблюдая за ростом могущества Ассирии и Вавилона, которые вот-вот должны были сожрать их царства. Египет медленно катился к закату, перестав играть ключевую роль в международных делах. Здесь правило балжречество, которое на корню душило все попытки

к возрождению былого величия. Греки уже триста лет как разгромили Трои и за 23 года до закладки краеугольного камня в могущество будущей империи провели первые Олимпийские игры (776 до н. э.). В пределах Передней Азии на дрожжах арийских, скифских и прототюркских народов быстро подошло тесто будущей Великой Персии. А на просторах Средиземного моря безраздельно господствовали финикийцы, повсюду строившие порты, торговые базы, прибрежные крепости и города, ставшие со временем остовами могущества Карфагена. Вокруг Рима тоже были царства, государства, полисы. В том числе Этрuscoе царство, которое, как полагают некоторые ученые, основали наши пращуры, русские. Во всяком случае, Фоменко и Носовский с помощью русского языка легко прочитали дошедшие до нас этрусские надписи, считающиеся не расшифрованными.

Ромул, как и его брат Рем, в детстве был лишен матери, вскормлен волчицей, воспитан в семье пастуха. По достижении совершеннолетия они с братом убивают коварного самозванца Амулия, обманом захватившего власть в Альба-Лонге и казнившего их мать, после чего восстанавливают на троне своего деда Нумитора. Но оставаться в этом городе братья не захотели, хотя там им было гарантировано царское будущее, а решили основать новое поселение. В ходе его закладки между братьями вспыхнула ссора, и Ромул убил Рема, став в результате первым царем нового государства (старостой основанной им деревни). Весь дальнейший его жизненный путь – это миф, столь необходимый для создания великих империй*.

«Ромул похоронил Рема и своих воспитателей на Ремонии и занялся постройкой города. Он вызвал из Этрурии людей, которые дали ему подробные сведения и советы относительно употребляющихся в данном случае религиозных обрядов и правил, как это бывает при посвящении в таинства. Возле нынешнего Комиция был вырыт ров, куда положили начатки всего, что считается по закону чистым, по своим свойствам – необходимым. В заключение каждый бросил туда горсть принесенной им с собою с родины земли, которую затем смешали. Ров этот по-латыни зовут так же, как и небо, – мундус. Он должен был служить как бы центром круга, который был проведен как черта будущего города. Основатель города, вложил в плуг сошник, запряг быка и корову и, погоняя их, провел глубокую борозду, границу города. Кто шел за ним, должен был заворачивать борозды, проведенные плугом книзу, наблюдая за тем, чтобы ни один комок не лег по другую сторону борозды. Эта черта означает окружность городской стены и называется с выпадением некоторых букв «помериум» вместо «пост-мериум», то есть пространство вне и внутри городской стены. На месте предполагаемых ворот сошник вынимали и приподнимали плуг,

Питер Пауль Рубенс.
«Ромул и Рем»

вследствие чего оставалось пустое пространство. На этом основании вся стена, кроме ворот, считается священной: ворота не считаются священными, иначе религиозное чувство не позволяло бы в таком случае ввозить или вывозить то, что необходимо, но не считается по закону чистым». (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тесей и Ромул. Ромул, XI).

Именно Ромул определил первых 100 отцов-мудрецов (лат. *patres*, отсюда термин «патриции»), которые вошли в состав основанного им сената. В дальнейшем в этот орган были дополнительно включены 100 знатных сабинян, которые после известного похищения их соплеменниц подданными первого римского царя составили с Римом унию. После смерти Ромула и его обожествления власть перешла именно к сенату. Причем каждый из его членов правил в течение суток, а затем передавал свои полномочия очередному патрицию. Понятно, что

такое правление не способствовало укреплению государства, поэтому народом и сенатом было решено избрать очередного царя. Ромул же, как гласит легенда, вознесся к богам, обрел бессмертие и возглавил в небесной канцелярии управление войны (видимо, в качестве заместителя бога войны Марса). Вот, например, что рассказывает об этом в своих «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх: «Уже тридцать семь лет правил Ромул основанным им Римом. В тот день, который в настоящее время называется Капратинскими нонами, Ромул приносил за городом, на Козьем болоте, жертву за весь народ в присутствии Сената и большей части граждан. Внезапно в воздухе произошла большая перемена: на землю спустилась туча, сопровождаемая вихрем и бурей. Остальной народ в страхе пустился бежать и рассеялся в разные стороны, Ромул же исчез. Его не нашли ни живым, ни мертвым. На патрициев пало сильное подозрение.

* Старательное выкорчевывание из нашей отечественной историографии мифов в борьбе за якобы историческую правду приводит к тому, что держава хиреет, теряет основы величия и тихо загибается. Но не будем о грустном.

Народ говорил, что они давно тяготились царской властью и, желая забрать управление государством в свои руки, умертвили царя, так как он стал с некоторого времени поступать с ними суровее и деспотичнее. Патриции старались рассеять подобного рода подозрения, причислив Ромула к богам и говоря, что он «не умер, а удостоился лучшей доли». Прокул, личность, пользовавшаяся уважением, поклялся, что видел, как Ромул возносился в полном вооружении на небо, и слышал его голос, приказывавший называть его Квирином».

Говоря о царстве Ромула, нельзя не упомянуть тот факт, что достаточно продолжительное время он имел соправителя, второго царя (как в Спарте)*. Им был Тит Таций, царь сабинян, италийского племени, разместившегося на Капитолийском холме.

Римляне во главе с Ромулом жили в своих домах на Палатине. А сабиняне отстроили себе хибары на Капитолии.

Кто бывал в Риме, тот видел, что между этими двумя холмами, расположенными в километре друг от друга, находится знаменитый Римский форум, или площадь. А тогда это была просто долина, в которой жители двух соседних деревень, палатинской и капитолийской, торговали, гуляли, отдыхали и знакомились. И так уж сложилось, что у римлян было много мужчин, а у сабинян – женщин, причем, говорят, прехорошеньких. Казалось бы, все само собой складывается, ан нет!

Римляне отличались грубостью и предрасположенностью к разбою, а потому отцы сабинских семейств никак не хотели отдавать им в жены своих красавиц. Что оставалось делать бедным страдальцам? Они устроили праздник в честь бога Конса, отвечающего за запасы зерна. Праздник – святое дело! Отчего же не повеселиться, не попить вина, не закусить?! Чадолюбивые сабинские родители пришли на это торжество со своими семьями, то есть и с дочерьми в том числе. А что же предки Цезаря и Августа? Они похитили девиц и сделали их своими женами.

Возмущению сабинцев не было предела! Они тут же начали против римлян войну, и во время решительного сражения подлые насильники, не сдержав натиска капитолийцев, обратились в бегство. И так бы все и погибли под ударами дубин и палок** «соседних деревенских», если бы в гущу драки (а это, скорее всего, судя по тем масштабам, была именно драка) не влетели испуганные бойней похищенные девы, уже успевшие стать матронами и законными женами

ненавистных римлян, а также матерями их детей. Они прикрывали собой своих незадачливых мужей и умоляли отцов и братьев простить их. Те согласились*** и заключили с Римом вечный мир при условии, что теперь у них, в их совместном государстве, будут два царя – Ромул и Тит Таций.

По версии историков, Таций впоследствии мужественно погиб во время одной из военных кампаний. Правда, по мнению некоторых конспирологов, в смерти был повинен Ромул, который «сперва убил своего брата, а затем дал согласие на убийство Тита Тация Сабина, избранного ему в сотоварищи по царству» (Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия). Оставим сей факт на суд Всевышнего и истории: все равно никаких реальных доказательств такого хода развития событий нет. Хотя... Учитывая криминальное прошлое Ромула (убийство Рема, групповое насилие над сабинянками)...

В общем, правил Ромул потом один. А после его смерти на трон вззошел Нума Помпилий.

Нума Помпилий (715–673 до н. э.) – второй римский царь и просветленный мудрец, посвященный в тайные знания и владевший секретом философского камня. Именно он ввел Римский проект в период «великого единения» первого цивилизационного цикла. Женившись на Тации, дочери сабинского царя Тация, соправителя Ромула, он обеспечил себе право на трон. Но вскоре после свадьбы Тация умерла, и это подвигло Нуму на отшельничество в Альбанских горах, где на него снизошло озарение. Посланицей, открывшей ему тайные смыслы вещей, стала нимфа Эгерия, которая потом не раз помогала Нуме в сложном деле управления государством. Во время страшной эпидемии, например, она подарила Помпилию щит Юпитера, способный защитить народ Рима от всевозможных бедствий, и благодарный царь повелел изготовить 11 копий этой божественной реликвии, которые были вывешены в храме богини Весты. Согласно преданию, после смерти Нумы Помпилия нимфа так сильно оплакивала его кончину, что, в конце концов, превратилась в родник.

Надо отдать должное этому человеку: он не желал принимать царский венец, но его уговорили сенаторы и родственники, справедливо полагавшие, что процветания и величия можно достичь лишь при гармоничном сочетании военной доблести и мудрости.

Придя к власти, второй римский царь провел целый ряд реформ:

Livie, épouse d'Auguste, en Ceres marbre romain du 1er siècle.psd

* Так что традиция дуумвиратов отнюдь не российского происхождения.

** По мнению авторитетнейшего ученого современности, доктора геолого-минералогических наук, профессора И. В. Давиденко, тогдашние племена не могли использовать никакое иное оружие – воевали палками. Впрочем, как это всегда делали и в русских деревнях.

*** Интересно, как бы сложилась мировая история, прояви тогда сабиняне большее рвение в наказании насильников?

Карл Брюллов. «Нума Помпилий у нимфы Эгерии»

– посчитал все земли и произвел их справедливое межевание;

– принял законы о развитии ремесел и создании ремесленных цехов (об этом Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» повествует: «Народ был разделен по роду занятий на флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, кожевников, медников и гончаров. Другие ремесла царь соединил вместе и образовал из них один цех. Каждый цех имел свои собрания, сходки и религиозные обряды. Таким образом, царь в первый раз изгнал ту рознь, которая заставляла одних считать и называть себя сабинянами, других – римлянами, одних – гражданами Тация, других – Ромула, вследствие чего деление на цехи внесло всюду и во всем гармонию и единодушие»);

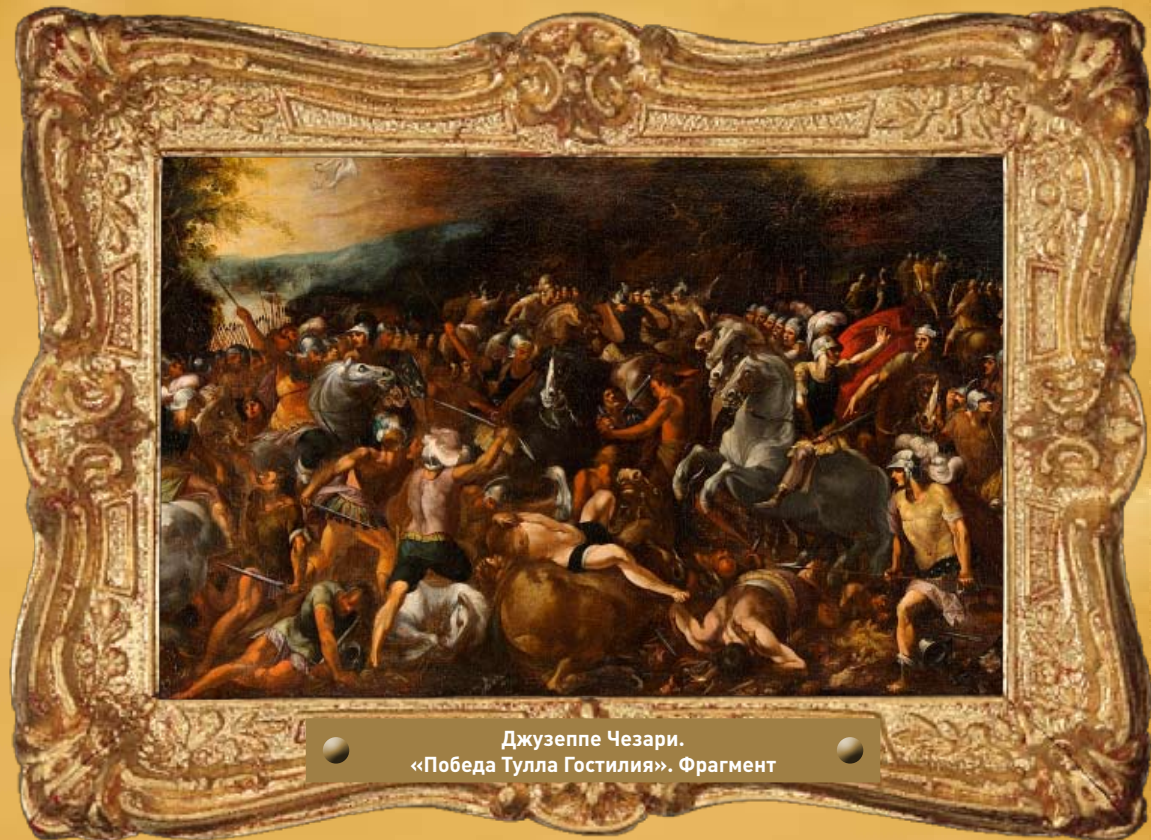
– упорядочил религиозные представления римлян, ввел соответствующие церемонии и ритуал, запретил человеческие жертвоприношения (Н. Макиавелли много столетий спустя оценил это в своей работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» так: «Найдя народ римский до крайности диким и желая заставить его подчиниться нормам общественной

жизни посредством мирных средств, Нума обратился к религии как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности и так укоренил ее в народе, что потом в течение многих веков не было республики, в которой бы наблюдалось большее благочестие»);

– ввел новый календарь.

До Нумы Помпилия римляне делили год на 10 месяцев, которые так и назывались по латыни: первый, второй, третий и т. д. Отголоском этого в большинстве европейских языков остались названия четырех последних месяцев года: сентябрь (*settembre* – седьмой), октябрь (*ottobre* – восьмой), ноябрь (*novembre* – девятый), декабрь (*dicembre* – десятый). Нума Помпилий ввел два дополнительных месяца, которым были даны имена почитаемых римлянами богов: Януса (бога начала всех начал) и Феба («лучезарного» бога Аполлона, покровителя искусств) – так у нас появились январь и февраль. Впоследствии бывший первый месяц года был назван «мартом» (в честь бога войны Марса), второй – «апрелем» (*argire* – «открывать», поскольку он открывал новое время года), третий – «маем» (в честь

Джузеппе Чезари.
«Победа Тулла Гостилия». Фрагмент

дочери Атланта, одной из Плеяд и богини живой природы Майи; четвертый – «июнем» (по имени Юноны, жены Юпитера/Зевса). Остальные месяцы носили прежние названия (числительные) до тех пор, пока бывший пятый месяц не был переименован в «июль» – в ознаменование заслуг Юлия Цезаря, а наследовавший императорский трон Октавиан Август не назвал следующий за ним месяц в честь самого себя «августом».

Помпилий умер собственной смертью в возрасте 80 лет. В своем завещании он просил захоронить вместе с ним и все его книги. В 181 году до н. э. во время строительных работ на римском холме Яникул, за Тибром, были найдены два каменных ларца: в одном якобы находился прах легендарного царя, а во втором – его записи, в которых хранилась мудрость мира и секреты, рассказанные царю той самой нимфой Эгерией. Эта информация напугала городские власти, и они приказали сжечь свитки. Правда, в среде алхимиков и магов до сих пор царит уверенность, что часть бумаг Нумы Помпилия и, в частности, те, где излагался секрет философского камня, удалось спасти.

Тулл Гостилий (673–641 до н. э.). Внук славного воина Гостию Гостилия, этот третий римский царь вошел в историю государства как правитель, вставший на путь войны и настолько увлекшийся сраже-

ниями, что забыл о богах. Те ему этого не простили – он был убит молнией. И хотя при нем римская государственность вышла за пределы городских стен, был уничтожен противник Рима город Альба-Лонга и проведено несколько удачных военных кампаний против этрусков, граждане не очень опечалились его кончиной, избрав ему на смену более миролюбивого Анка Марция.

Четвертый царь **Анк Марций** (641–616 до н. э.) по материнской линии приходился внуком Нуме Помпилию и во многом походил на своего деда. Всячески способствовал развитию сельского хозяйства, ремесел и искусств. Его миролюбие было принято соседями Рима за слабость и спровоцировало их на агрессию. Но Анк Марций оказался талантливым полководцем, сумевшим разгромить всех своих противников. По его приказу жители покоренных городов Италии были переселены в Рим и дали начало римскому плебсу.

Тарквиний Древний (616–579 до н. э.) – он же Луций Тарквиний Приск. Пятый римский царь, согласно преданию, был коринфянином, то есть греком, родившимся в этруском городе Тарквинии. Поскольку ему как не чистокровному этруску путь к вершинам власти на родине был закрыт, он по настоянию своей честолюбивой жены переехал в Рим, где его заметил Анк Марций и назначил начальником

конницы (высшая воинская должность). А «благодарный» Тарквиний сразу же после смерти Марция отстранил от власти малолетних детей своего благодетеля и убедил народное собрание назначить царем именно себя. Если учесть, что к этому моменту он был самым богатым горожанином, то становится понятно, почему граждане Рима выразили свое согласие. Правда, справедливости ради следует все-таки заметить, что Тарквиний Древний оказался неплохим правителем. При нем развивалось искусство, строились новые храмы, расширялась власть Рима, который к концу его правления стал главным городом Латинского союза. Он ввел практику триумфальных шествий в честь побед римского оружия, упорядочил ритуал и укрепил основы государства, реформировав сенат. Но закончил все-таки плохо: подросшие сыновья Анка Марция хитростью выманили его из дома и ударом дубины убили незадачливого царя. Однако не приветствовавшие самосуда римляне не стали возводить на престол цареубийц, предоставив трон приемному сыну Тарквиния Древнего Сервию Туллию.

Сервий Туллий (579–535 до н. э.), шестой римский царь, заложил основы римского права. Выходец из города Корникула, разрушенного римлянами, он попал в Рим вместе с матерью, женщиной знатной и чуть ли не царского рода, в качестве пленника Тарквиния. Жена римского царя Танаквиля сразу полюбила способного мальчика, приблизила его к себе, заставила Тарквиния усыновить его, а после смерти мужа сумела убедить народное собрание в том, что именно Сервий Туллий – единственно достойный кандидат на трон. Надо сказать, что ни она, ни римляне в своем выборе не ошиблись. Именно Сервий Туллий стал основателем римской государственности, положив в ее основу свод собственноручно разработанных законов. Он был успешен и на войне, и в мирном строительстве, но все-таки не избежал насильственной смерти. Дело в том, что, пока Туллий занимался вопросами укрепления государства, подросли сыновья Тарквиния Древнего. И чтобы избежать распри из-за проблемы престолонаследия, Туллий решил выдать за них замуж своих дочерей. Причем гордому и надменному Луцию он прочил кроткую и послушную старшую дочь, а честолюбивую младшую хотел отдать слабохарактерному Аруну. Но, к сожалению, его план не сработал. Луций и младшая Туллия организовали заговор, убили Аруна и старшую Туллию, после чего Луций, играя на недовольстве сенаторов

реформами Сервия, провозгласил себя царем. Попытавшийся остановить самозванца престарелый царь был выброшен жестоким Тарквинием из здания сената и убит его сторонниками на улице. А мчавшаяся в тот момент на колеснице дочурка царя переехала труп отца и даже не остановилась (с тех пор это место носит название Vicus Sceleratus – квартал, оскверненный злодеянием).

Тарквиний Гордый (535–510 годы до н. э.), седьмой царь Рима, начал свое правление с репрессий и казней, так как стремился установить режим диктаторской, абсолютной власти. При нем роль сената была сведена до минимума. Жесткость царя и его произвол вызвали недовольство не только среди плебса, но и в правящей элите. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало преступление сына Тарквиния Гордого – Секста, который изнасиловал римскую матрону Лукрецию, жену уважаемого сенатора Коллатина, славившуюся добродетелью и благочестием, и бедная женщина наложила на себя руки. Родственники Лукреции – Луций Юний Брут и Публий Валерий Публикола – принесли ее тело на форум и призвали народ и сенат к свержению царя. Тарквиний оказался последним римским царем. Он был изгнан из города и закончил свою жизнь в 495 году в этруском городе Кумы.

– Не делай этого, Секст!
Думаю, что и твой отец этого не одобрит!

– Да что ты знаешь о моем отце?

Он – настоящий мужчина, сумевший силой вернуть себе трон, добытый в свое время самим Тарквинием I. А думаешь, это легко было сделать? Старик Сервий настолько запудрил мозги римской черни своими законами и реформами, что каждая сволочь стала почитать себя гражданином, имеющим какие-то права, – Секст, сын царя Рима Тарквиния Гордого, барствено развалился на мягких подушках в своем походном шатре и потягивал из кубка фалернское, пытаюсь таким образом разогнать похмелье. Голова немного побаливала после возлияний, которым он предавался чуть ли не всю ночь со своими друзьями. Да и что было делать ему, такому молодому, красивому и сильному здесь, в этом военном лагере под Ардеей? Смотреть, как одни идиоты убивают других? Не понятно, зачем вообще отец послал его сюда. Набираться боевого опыта? Смешно! Он и без этого сможет весьма уверенно управлять чернью. А здесь скучно: правда, походные куртизанки весьма искусны в вопросах удов-

Personnification
de Carthage Mo-
saique d'epoque
romaine non datee

летворения плоти, но обладать ими – все равно что есть пресный хлеб. Они изначально покорны его воле и готовы выполнить любой его каприз. Нет, из его головы не выходила Лукреция, жена его родственника сенатора Тарквиния Коллатина. О, воистину она могла бы стать настоящим трофеем, достойным его царского величия. Но божественно красивая патрицианка не отвечала на его недвусмысленные знаки внимания, игнорируя его ухаживания, богатые подношения, да и самого его.

– Сучка! Гордая, недоступная сучка! Ничего!! Чем больше ты ломаешься и строишь из себя недоτροгу, тем слаще будет мой триумф! И я, клянусь Юпитером, не успокоюсь, пока мой царственный спор не прорвет хлипкую оборону твоей добродетели, и твои сладострастные стоны и крики не станут свидетельством твоей полной капитуляции! – он все больше распял себя придуманными видениями и фантазиями и с каждым глотком вина становился все агрессивнее и нетерпимее. Слабые попытки Мария, ближайшего помощника и преданного сообщника Секста в пьянстве и разврате, успокоить его лишь добавляли жару его бушующей от неудовлетворенной страсти плоти и усиливали похотливые желания молодого принца.

– Мне сообщили, что она сейчас в Коллации. Это не далеко отсюда. А ее муженек в Риме. Сами боги способствуют тому, чтобы я сделал то, что должен сделать! – Секст резко поднялся и вышел из шатра. Вскочив на стоящего тут же рядом коня и приказав Марию руководить войском в его отсутствие, он помчался навстречу неизбежному, тому, что должно было произойти и что предопределило весь дальнейший ход истории Рима.

– Где хозяйка? – он бросил поводья ничего не подозревавшему слуге, а сам, не дожидаясь ответа, быстрым шагом прошел в дом.

– Секст? Почему ты здесь? Ты же должен быть в войсках? – Лукреция всеми силами пыталась подавить тревогу, которую испытала сразу же, как только увидела входящего в ее покои родственника.

– Мужа нет дома, и мне не хотелось бы выполнять роль хозяйки в его отсутствие! – она пыталась держаться независимо, но, видя горящие глаза Секста, его глумливую улыбку, она поняла, что на этот раз ей будет сложно отвязаться от него просто так.

– Уходи, Секст. Не нарушай наших обычаев, тебе здесь нечего делать. Приедет Коллатин – и добро пожаловать в гости. Мы будем рады приветить сына царя! – она пыталась говорить спокойно, доброжелательно, с нотками сестринской любви и привязанности, полагая, что это сможет его остановить. Но он не обращал на ее слова никакого внимания, медленно надвигаясь на нее и загоняя ее в угол. Уга-

дав его намерения, она, было, рванулась из комнаты, но тут долго сдерживаемая плотина похотливого желания Секста прорвалась, он в два прыжка настиг ее, и словно хищник вцепился в ее тело.

Он с силой бросил ее на мраморный пол, разорвал легкие одежды, и, заломив за спину руки, стал жадными поцелуями покрывать открывшуюся нату, шею и грудь. Она пыталась сопротивляться и вцепилась зубами в его ухо. Обезумев от боли, он нанес ей сильнейший удар головой в подбородок, после чего она сразу потеряла сознание, ее тело обмякло, чем он не преминул воспользоваться. Он не сразу вошел в нее, запутавшись в лоскутах разорванной ткани, что вызвало у него новый приступ ярости. Но крепость была сдана, защитники обессили, и уже ничто не могло помешать завоевателю торжествовать победу. Он издал длинный стон и бессильно распластался на ее поруганной плоти. Удовлетворение наступило слишком быстро.

– Ты опять обманула меня! – в отчаянии закричал он, после того как до него дошло, что же он все-таки сделал. Надо было срочно бежать отсюда, пока его не застали на месте преступления верные слуги сенатора.

– Что ты наделал? Лукреция покончила с собой, а на Рим идут коллатинцы, возглавляемые Брутом! – Тарквиний готов был разорвать стоящего перед ним сына на части.

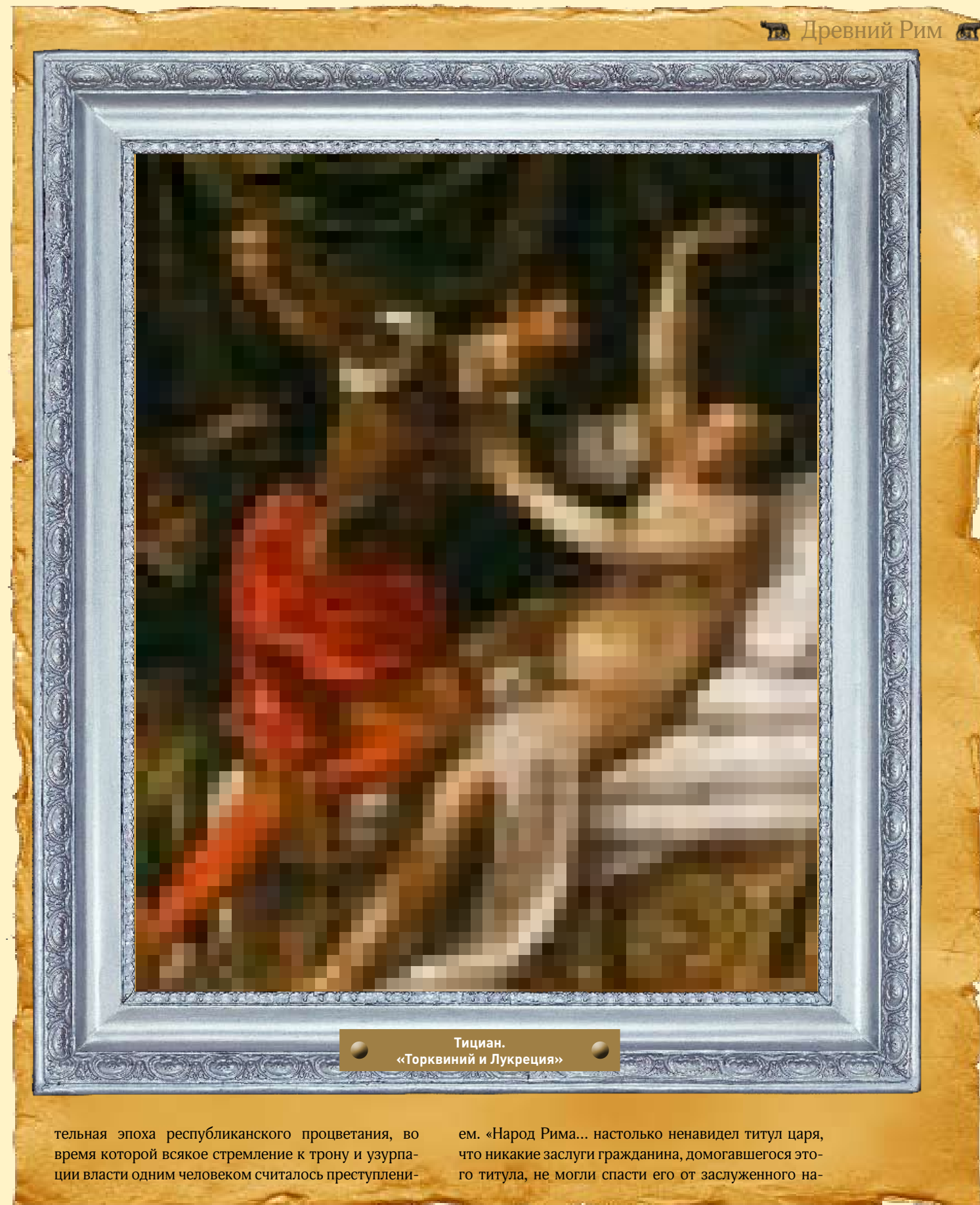
– Да не парься ты, пап! Забей ты и на Лукрецию, и на Брута! Да, дура предпочла смерть близости со мной. Но это ее дело! И потом, чего ты так разошелся!? – Секст пытался за бравадой скрыть страх, который не покидал его с того самого момента, как он сполз с тела Лукреции. Бегство и слабые оправдания ему не помогли, известие о его поступке и смерти Лукреции взбудоражили армию, которая перешла на сторону Брута и сенатора Коллатина. Он вынужден был податься в Рим, надеясь, что там его сможет защитить отец. Но и в Риме было не спокойно.

– Они сметут нас. Тарквинии больше не будут править Римом, – Секст никогда не видел отца таким раздавленным и слабым.

– Если они не свергли тебя после того, как ты убил их любимца Сервия Туллия, а моя любимая мамочка переехала через его тело на своей колеснице и при этом даже бровью не повела, почему они должны это сделать сейчас?

– Потому что все имеет свой предел! Римляне не простят нам этого никогда!

Так бесславно закончился царский период в истории Древнего Рима. Римский проект вступил в очередной, второй, цикл своего цивилизационного развития, обрушившись в период «хаоса воюющих царств». С уничтожением монархии наступила дли-

Тициан.
«Тарквиний и Лукреция»

тельная эпоха республиканского процветания, во время которой всякое стремление к трону и узурпации власти одним человеком считалось преступлени-

ем. «Народ Рима... настолько ненавидел титул царя, что никакие заслуги гражданина, помогавшего этому титулу, не могли спасти его от заслуженного на-

Жак-Луи Давид.
«Ликторы приносят Бруту тела его сыновей»

казания» (Н. Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия). Ярчайший этому пример – подвиг человека, свергнувшего тиранию Тарквиния Гордого, – **Луция Юния Брута**, который приказал казнить собственных сыновей за участие в монархическом заговоре.

Республиканский Рим (510–44 до н. э.)

Этот почти пятивековой период жизни Рима стал одним из самых ярких в его истории и наиболее показательным с точки зрения борьбы за демократические преобразования. Именно борьба простого народа (плебса) со знатью (патрициями) за свои права, за справедливость, законность и порядок предопределила становление знаменитого Римского права, которое легло в основу всей современной юриспруденции.

Но для начала определим, так сказать, территориальную составляющую проекта, рухнувшего с падением царства в пучину хаоса. Итак, за два с половиной века Рим Ромула, конечно же, значительно вырос. И если в начале он занимал лишь вершину Палатинского холма (чуть меньше территории московского Кремля), то теперь в его состав входили и другие римские холмы (шутка). Кроме того, в ходе великих войн (?) к Риму были присоединены соседние деревни, населенные враждебными племенами. Нет, не подумайте, автор не ёрничает – он просто хочет показать, что практически все великие империи возникали вот так, на месте небольших поселений. А затем уже пассионарность их вождей, приверженность элиты интересам общего дела, мужество и героизм плебса превращали забытые богом села в величайшие державы!

Мы уже говорили о том, что Рим в царский период покорил Альба-Лонгу. То есть к моменту образования Республики его территория едва превышала по площади то, что находится внутри московской окружной дороги – по меркам того времени было неплохо, но на империю все же не тянуло. Для сравнения: китайцы уже оккупировали земли в долинах рек Хуанхэ и Янцзы, где занималась заря новой философской мысли (Лао-Цзы и Конфуций); персы покорили всю Переднюю Азию и создали первую в мире империю; Карфаген и Греция овладели практически всеми портами и гаванями Средиземного моря; евреи переживали не лучшие времена, попав в Вавилонский плен; египтяне так и не смогли преодолеть кризисные тенденции в своем развитии; на самом Дальнем Востоке потомки легендарного первого тэнно (император) Японии Дзимму приступили к строительству японской империи. А в устье Тибра все еще барахтался в пеленках зачатый Ромулом проект. Но уже тогда он имел все предпосылки, чтобы вырасти в грозного и могучего повелителя Земли, ибо, опять-таки, у него был замечательный народ, великая и преданная своей родине элита, яркие вожди.

Между этими тремя составляющими глобального проекта постоянно происходили свары, которые принято называть борьбой между патрициями (от лат. patres – «отцы», то есть те первые поселенцы Рима, которые стали его отцами-основателями) и плебеями (лат. plebs – «простой народ»). Длилась эта борьба более 200 лет и закончилась созданием элиты собственно Римского проекта – **нобилитета («благородных»)**. При этом нельзя сказать, чтобы все проходило мирно и гладко: были и казни, и убийства, и военное противостояние. Однако патрициям и плебеям в принципе всегда, хотя и не сразу, все же удавалось договориться, что привело к практическому равенству в правах тех и других к началу III века до н. э. В результате именно Рим стал первым по-настоящему демократическим государством древности. И это сразу же дало ему фору в противостоянии с другими игроками за карточным столом истории того времени, зависимыми от талантов, недостатков и капризов своих правителей.

Чтобы все-таки быть объективным, надо отдать должное вождям местных племен и народов, населявших в ту пору Италию. Они не остались равнодушными к столь важным изменениям у своего ближайшего соседа. Свержение законного монархического режима, безусловно, повергло их в шок*. И тогда в далеком

Этруская цивилизация

509 году до н. э., сразу же после изгнания из Рима рексов, войной на римлян пошло мощное Этрусское государство, а возглавил поход сам царь Порсена. Главную битву Рим проиграл и должен был сгинуть со страниц мировой истории. Однако произошло чудо, явленное через подвиг римского гражданина, представителя старого патрицианского рода Гая Муция, который пробрался из осажденного города в лагерь этрусков, проник в царский шатер и убил царя – в этом он был абсолютно уверен. Но увы, ошибка вышла: жертвой героя стал не тиран, а его

Римская республика 509 до н.э.

*Так было всегда, после Рима уж точно. Примеры? Пожалуйста. Фактически все европейские государства объявили Франции войну после революции 1789 года и убийства короля. То же самое произошло после Октябрьского переворота и казни царской семьи в России.

писец, одетый гораздо лучше своего господина. Прочет стоил Муцию дорого. Его схватили и привели к царю, который ждал трусливых всхлипов молящего о пощаде убийцы, но был поражен, когда перед ним гордо предстал прекрасный юноша, который без колебания опустил руку в горящий светильник и не вынимал ее оттуда, пока она не сгорела. При этом на его благородном лице не дрогнул ни один мускул! Это привело царя в замешательство. Он попытался разговаривать мужественного пленника. И тот на вопрос Порсены, кто он и откуда, сказал, что таких много, что триста римских молодцов поклялись убить захватчика и обязательно это сделают, если этруски не оставят Рим в покое и не уберутся восвояси – в этом Его Величество может не сомневаться, поскольку все они гораздо сильнее, терпеливее и целеустремленнее самого Гая, который только что без страха и сожаления потерял на его глазах руку. Теперь надменный монарх не просто испугался, он пришел в ужас: эти римляне такие дикари, они спокойно жгут себе руки, и неизвестно, что еще готовы сжечь за свою свободу. И Порсена сдался. Он развернул свои многочисленные орды (полагаю, численностью тысячи полторы) в сторону родного города Клузий и убрался с римской земли.

Но это было лишь начало. Лет эдак через двадцать на Рим напали вольски, свободолюбивое и богатое племя, ненавидевшее римлян да и этрусков в придачу. Жили они южнее Вечного города, занимались земледелием и рыболовством, отличались храбростью и воинственностью. Надменные римляне, возомнившие себя пупом земли, им были явно не по душе, поэтому они лишь ждали удобного момента, чтобы насолить высокомерным соседям. И такой случай вскоре представился.

Как мы уже упоминали, сразу после падения царского режима в Риме началась борьба между патрициями и плебеями. Римский аристократ и полководец Гней Марций, прославившийся тем, что захватил в свое время город вольсков Кориолы, и получивший за это почетное имя Кориолан, решил проявить себя и на гражданском поприще. Во время голода он выступил в сенате с предложением выдавать плебейам хлеб лишь при условии, что они добровольно откажутся от притязаний на должность трибуна. И это взбесило плебс, который добился изгнания Кориолана из Рима, несмотря на все его заслуги перед Отечеством. Обиженный полководец решил отомстить неблагодарным согражданам: он объявился – и где же, вы думаете? – у вольсков! Те быстро сообразили, что с таким военачальником они легко утрут нос ненавистным палатинцам, собрали армию и отправились в поход. Возглавляемые Кориоланом, «рыболовы» разбили римлян в первом же сражении и осадили город. Рим замер в ожидании ужасного конца.

Но тут мать и жена Кориолана, настоящие римские матроны, патриотки в самом высоком смысле этого слова, выбрались за городские стены, пришли к Кориолану и стали умолять его увести войска. При этом и женщины, и он сам прекрасно понимали, что такой шаг приведет к обвинению его в измене и казни. Но превыше свободы родной земли нет ничего на свете – вся римская история пронизана именно этим смыслом (и потому деревня стала империей!). В общем, Кориолан, который тоже был патриотом (кстати, от лат. *patres* – «земля отцов, отчизна»), к тому же не хотел, чтобы его соотечественники прокляли его и его род в веках, увел армию, за что и поплатился впоследствии жизнью. Случилось все это в 488 году до н. э., через 20 лет после провозглашения Республики и через 265 – после основания Рима.

После этих событий Рим был больше занят внутренними разборками:

- в 486 году до н. э. здесь казнили консула Спурия Кассия, пытавшегося провести земельные законы в интересах плебеев (его обвинили в государственной измене);

- в 473 году до н. э. был убит плебей и народный трибун Гней Генуций, который потребовал законного суда над обоими консулами*;

- в 471 году до н. э. плебеям удалось усовершенствовать выборное законодательство и лишить патрициев возможности манипулировать избирательными кампаниями;

- в 457 году до н. э. число народных трибунов возросло до десяти;

- в 456 году до н. э. был принят закон, разрешающий плебейам селиться на Авентинском холме (один из семи римских холмов);

- в 452 году до н. э. под давлением плебеев сенат принял решение о кодификации римских законов. Для этого была создана специальная комиссия из десяти человек, каждый из которых обладал консульской (высшей в республике) властью. Через год работа комиссии была завершена. Составленный ею кодекс был выгравирован на медных табличках, которые выставили на Форуме. Эти законы устанавливали неприкосновенность частной собственности, регулировали кредитно-денежные отношения, закрепляли права и льготы всех сословий римского общества. Законы Двенадцати таблиц были самыми совершенными в тогдашнем мире. Но, как и всякие законы, созданные людьми, они не могли полностью удовлетворить противостоящие стороны. И потому борьба продолжилась. Вскоре был принят закон о плебисцитах (у нас это сегодня называется референдумом), затем плебеям допустили к выборам судей, а в 445 году до н. э. был, наконец, отменен уничижительный для плебеев закон, запрещающий браки

между представителями патрицианских и плебейских родов.

Занятые делами внутреннего обустройства, римляне не забывали также о новых войнах, которые могли бы дать столь необходимые быстро растущему государству земли. Однако и соседи Рима не отличались миролюбием, всякий раз пытались захватить и пограбить город и его жителей. В начале IV века до н. э. началась очередная этрусская война, в ходе которой загорелась звезда еще одного гения римской империи Марка Фурия Камилла.

Марк Фурий Камилл (447–365 до н. э.) – трибун, полководец и диктатор. Во время агрессии соседних племен сумел жесточайшими методами, включая казни (знаменитый обряд «децимации», когда за нарушение приказа, малодушие или бегство казнили каждого десятого воина в легионе), навести порядок в римском войске, что привело к победам и возгоранию римского духа. Был истинным патриотом, человеком кристальной чистоты и чести. Он добивался побед с помощью полководческого таланта, военной хитрости и даже благородства (как это случилось во время осады города Фалерии), но никогда за счет подлости! В 396 году он захватил этрусский город Вейи, который римляне безуспешно осаждали перед этим десять лет. Через два года другой город, Фалерия, сдался на милость Камиллу, после того как он вернул детей, уведенных оттуда учителем-предателем. Он был слишком удачлив и справедлив, что не могло не вызывать зависть у современников. По ложному обвинению его осудили за якобы присвоение части военной добычи. Он не защищался и не пытался оправдаться. Считая себя обманутым, Камилл покинул родину и уединился в городе Ардея.

Именно в это время, понимая, что военное руководство республики фактически обезглавлено, на ее территории вторглись галлы. Сначала они вроде и не собирались идти на Рим: им достаточно было получить добычу за счет менее укрепленных городов и поселений. Но когда во время осады города Клузий римский посол Квинт Фабий Амбуст убил одного из самых могучих галльских воинов, вождь племени Бренн решил отомстить Риму. Сняв осаду с Клузия,

Франческо Сальвиати.
«Триумф Камилла»

его войско стремительно двинулось на Вечный город. Навстречу врагу выступила римская армия численностью 40 тысяч человек, однако в отсутствие Марка Фурия Камилла она была полностью разгромлена у реки Аллия. Галлы легко могли захватить Рим, но увлеклись разделом богатой добычи. И это дало горожанам шанс на спасение: гражданское население покинуло город, а воины закрепились на Капитолии, превратив его в крепость.

Город стал тихим и безлюдным. Его улицы, площади и рынки напоминали театральные декорации. Дома пугали случайного прохожего пустыми глазницами окон и заколоченными воротами. Никто никуда не спешил, не было суеты, не раздавались выкрики погонщиков ослов. Город как будто умер. И лишь спрятавшиеся на Капитолии защитники затаились в ожидании врага, да несколько отказавшихся бежать сенаторов расположились на Форуме в креслах прямо под открытым небом, демонстрируя презрение к смерти.

Подошедшие вскоре галлы не сразу решились войти в открытые ворота города, на стенах которого они никого не заметили. Но затем осмелели и двинулись прямо к центру столицы, ее сердцу – Капитолию. Завидев сидящих в креслах людей, они приняли их поначалу за кукол, а когда поняли, что это гордые римские сенаторы, стали над ними смеяться. Но, получив достойный отпор, перебили их, после

* Право суда над высшими должностными лицами – главное завоевание республиканского Рима. Ни один высокопоставленный чиновник не чувствовал там себя спокойно, поскольку мог подвергнуться законному преследованию. Понятно, что этот закон часто не срабатывал в силу тех или иных причин: коррупция и подкуп существовали во все времена. И все же!

чего принялись грабить и жечь все, что попадало им под руку. Затем началась многомесячная осада Капитолия. Его защитники не сдавались, и их усилия были увенчаны доброй вестью: Марк Фурий Камилл создал ополчение и стал досажать галлам в окрестностях Рима. На радостях сенат тут же даровал ему титул диктатора и установил с новым главой республики связь через гонца, который использовал для своей миссии один из склонов Капитолийского холма. Вскоре это стало известно вождю галлов Бренну, и он попытался захватить Капитолий, направив своих гвардейцев именно на эту часть склона. Но захватить твердыню ему не удалось: Рим спасли священные гуси богини Юноны, которые, учуяв чужих, подняли жуткий гогот, разбудили часовых, и те забили тревогу.

Последний шанс овладеть Римом был упущен, и Бренн решил ограничиться откупом. За свой уход он запросил 350 кг золота. Но и тогда, когда на чашу весов был положен этот ценный груз, он не удовлетворился и на другую чашу добавил свой меч, с издевкой заявив: «Горе побежденным». Римлянам нечего было возразить победителю, и они молча глотали слезы негодования, как вдруг в городские ворота ворвался отряд Камилла. Он стремительно подъехал к месту переговоров и со словами: «Римляне привыкли спасать Отечество не золотом, а железом!» – напал на опешивших галлов, которых вскоре изгнал из города.

Рим был страшно разрушен и разграблен. Многие малодушно говорили о том, чтобы уйти отсюда и переселиться в Вейи. Но Камилл организовал восстановительные работы, и спустя пару лет Рим стал еще прекраснее. Еще не единожды Марк Фурий Камилл оказывал помощь своим согражданам. Он шесть раз был военным трибуном, пять раз назначался диктатором, четыре раза удостоивался триумфа. Свою последнюю победу он одержал в возрасте 80 лет, после чего умер, оплакиваемый народом и сенатом. Его по праву считают вторым основателем Рима. И именно он обеспечил переход Римского проекта из периода «хаоса» в очередное «малое процветание».

После Камилла плебеи продолжали укреплять свои позиции. Теперь их представители становились консулами и диктаторами (первым консулом-плебеем стал в 366 году до н. э. Лициний Столон, а первым дикта-

Римская республика, 264 до н.э.

районы, на которые распространилось римское гражданство
 владения Рима
 Аппианская дорога

тором-плебеем – Марций Рутул в 356 году до н. э.). Еще через 70 лет плебеи и патриции окончательно были уравнены в правах и в возможности влиять на политику государства. Начался период «великого единения» второго цикла развития Римского проекта. Равенство сословий освободило силы республики от нацеленности на внутренние проблемы, направив их на завоевание сначала Лация, а потом и всей Италии, которое и произошло в первой половине III века до н. э.

Пять веков понадобилось Риму, чтобы стать крупнейшей региональной державой. Пятьсот лет непрерывных войн привели к появлению в Средиземноморье нового игрока, способного влиять на весь

Римская Республика, 201 до н.э.

территория Римской Республики
 владения Рима

внешнеполитический расклад. Ни Карфаген, ни Египет, ни Македония не ожидали этого и были к этому явно не готовы, что впоследствии их и стубило. В результате трех Пунических войн (264–146 до н. э.) Рим уничтожил финикийцев, сравняв с землей в 146 году их главный город Карфаген. В перерывах между этими войнами победоносные легионы римских полководцев разгромили наследников Александра Македонского, уничтожили независимость греческих городов, Сирийского, Египетского и Македонского царств.

Рим завладел огромными территориями и богатствами. В город хлынули потоки золота, драгоценностей, рабов. Рим стал столицей мира, все дороги вели в Рим. Уровень благосостояния римских граждан взлетел до небес. Теперь большую часть своего времени потомки великих воинов проводили в огромных цирках, где пытавшиеся получить их голоса кандидаты на выборные должности устраивали бесконечные гладиаторские бои. Огромный цирк за Форумом стал ареной феерических скачек и состязаний колесниц. Вино лилось рекой, все виды наслаждений были доступны. Мораль разжижалась, этические нормы попирались, все продавалось и покупалось. Нобилитет, элита – те, кто должен был служить примером всему народу, забавляли себя невыносимыми пирами, на которых паштеты из соловьиных и павлиньих языков были обычным блюдом. Республиканские строй и порядок деградировали на глазах. Все большую роль в государстве играли военачальники, которые с помощью своих легионов добивались власти в обход существующих законов. Рим рухнул в очередной период «хаоса», перешел в эпоху гражданских войн, которые длились около полувека и окончательно уничтожили демократию.

Спасти державу от гибели в пучине непрекращающихся внутренних конфликтов могла только сильная власть, сосредоточение всех институтов государственного управления в одних руках. Но цари римлянам были ненавистны, это было у них на генетическом уровне. И тогда они создали империю, где при сохранении внешнего республиканского антуража восторжествовал принцип неограниченной монархии.

Императорский Рим (44 до н. э. – 487 н. э.)

Принято считать, что первым императором Рима был **Гай Юлий Цезарь** (100–44 до н. э.), великий полководец и государственный деятель, который объединил под своей дланью все три ветви власти: законодатель-

Жан-Леон Жером. «Смерть Цезаря»

ную, исполнительную и судебную. При этом он еще был и Великим понтификом, то есть верховным жрецом, что, действительно, давало ему неограниченные возможности в осуществлении своих полномочий. Однако, собственно, императором его никто не называл. Выходец из очень знатного, но обедневшего рода Юлиев, он вел свою родословную от Венеры, что в какой-то степени объясняло его чрезвычайную любвеобильность, за которой он, правда, не забывал о государственных делах. Был наделен множеством талантов. Начало политической карьеры – оппозиция и преследования со стороны римского диктатора Суллы, который пытался уничтожить всех, кто был близок его противнику Гаю Марию (тетка Цезаря по отцовской линии, Юлия, была замужем за Марием). Удачный побег избавил Цезаря от столь печальной участи.

О нем написано множество книг и снято немало фильмов. Нам трудно что-либо добавить к портрету этого великого полководца, покорившего Галлию и Британию, разгромившего не менее великого Помпея, покончившего с суверенитетом Египта. Неисправимый романтик, выдающийся писатель и мыслитель своей эпохи, умевший в сжатой, весьма лаконичной форме передавать смысл происходящих событий («Пришел, увидел, победил» – это его послание сенату после победы над царем Боспора Фарнаком), хитрый и властный политик, создававший союзы и подписывавший договоры, которые сам же потом и нарушал. Друг Помпея, отдавший тому в жены свою дочь и взявший взамен у этого властителя Рима войска для покорения галльских племен. Человек, осмелившийся, положившись на жребий, перейти Рубикон вопреки запрету сената. Пылкий любовник, уже в зрелом возрасте воспы-

лавший страстью к египетской царице и обеспечивший ей трон Птолемею при ее весьма сомнительных правах на престол. Несмотря на неприятие его брака с Клеопатрой общественным мнением и явное неодобрение такого шага своим ближайшим окружением, он все-таки привозит в Рим эту ослепительную красавицу, сводившую с ума мужчин, как, впрочем, и женщин (из-за зависти), а кроме того, назначает рожденного ею сына своим преемником. Одним словом, Цезарь!

Он был консулом и народным трибуном, главным цензором и диктатором, претором и командующим армией, но никакого монархического титула не имел, да и не мог иметь: сенат все еще ассоциировался в народе с понятием высшей инстанции, и любое посягательство на его прерогативы вызывало естественное недовольство как самих сенаторов, так и всех свободолюбивых граждан. Тщательно скрываемое Цезарем стремление к царской власти не осталось незамеченным особо рьяными поборниками республиканского строя и закончилось для него весьма печальным финалом: в возрасте 56 лет его зарезали во время очередного сенатского заседания. Интересен факт, что руководил заговорщиками Марк Юний Брут, потомок того самого Луция Юния Брута, который в 510 году до н. э., то есть почти за пятьсот лет до описываемых событий, сверг тиранию Тарквиния Гордого, последнего римского царя.

Гай Юлий Цезарь заложил основы имперского строя, но императором никогда не был. Именно Цезарь ввел Римский проект в очередной период «малого процветания», вытащив его из пучин хаоса.

Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э., правил с 27 года). Внучатый племянник Цезаря (бабка Октавиана с материнской стороны была его родной сестрой), пришедший к власти в результате победы в гражданской войне, где он, в частности, одержал верх над коалицией Марка Антония с Клеопатрой, тоже не носил пышного титула «император», а скромно именовал себя *принцепсом*, то есть первым среди равных. От этого слова появилось и понятие «принципат», более точно характеризующее строй, установившийся при Августе. Рим де-юре никогда не переставал быть республикой с сенатским правлением. И хотя де-факто вся полнота власти была сосредоточена в руках Октавиана, который, по нашим понятиям, являлся неограниченным правителем, по римским законам он был лишь одним из сенаторов, первым среди равных, но не более того. Доказательством этому может служить девиз, изображавшийся практически на всех строениях, штандартах и документах того периода: *SPQR – Senatus Populusque Romanus (сенат и народ Рима)*. Именно от лица сената и римского народа осуществлялось управление государством, а вовсе не в соответствии с формулой

«Мы, государь и император римский...». Наличие такой надписи на колонне Траяна лишь подтверждает предположение о том, что система, завуалированная под демократическую форму правления, сохранялась в Риме достаточно долго, и лишь, по одной из версий, реформы Диоклетиана (а это конец III – начало IV века н. э.) юридически закрепили в Риме монархию.

Октавиан заложил основы так называемого *Pax Romana* (римского мира), обеспечил процветание государства, старался быть справедливым правителем, при этом имени «государь» страшился, как величайшего позора. Он вошел в историю как «самый счастливый цезарь», и, кстати, именно во время его правления в Иудее родился Иисус Христос. «Август, стоя во главе победоносных легионов, царствуя на суше и на море от Нила и Евфрата до Атлантического океана, называл себя слугой государства и заявлял, что равен своим согражданам. Завоеватель Рима и римских провинций придал своей власти популярную и законную форму, присвоив себе должности цензора, консула и трибуна. Его воля была законом для человечества, но свои законы он провозглашал устами сената и народа. С помощью их постановлений повелитель продлевал срок данного ему на время поручения управлять республикой. В одежде, количестве слуг, почетных званиях, во всех делах общественной жизни август – как частное лицо, римлянин без должности, и самые умелые из его льстецов хранили в тайне то, что его власть была абсолютной и постоянной властью монарха», – писал знаменитый английский историк Эдвард Гиббон.

Однако Октавиан, несмотря на присущую ему мудрость, был не очень равнодушен к славе своего великого предшественника. Назвав следующий за июлем месяц в году августом, он не согласился с тем, чтобы в нем было на один день меньше, чем в июле, и, не особенно сомневаясь в правильности своего поступка, забрал недостающий день у февраля. Так что именно Октавиану мы должны быть благодарны за то, что февраль у нас оказался столь коротким. Хотя школьникам от этого – сплошная выгода: один учебный день обменяли на каникулярный. Слава Августу!

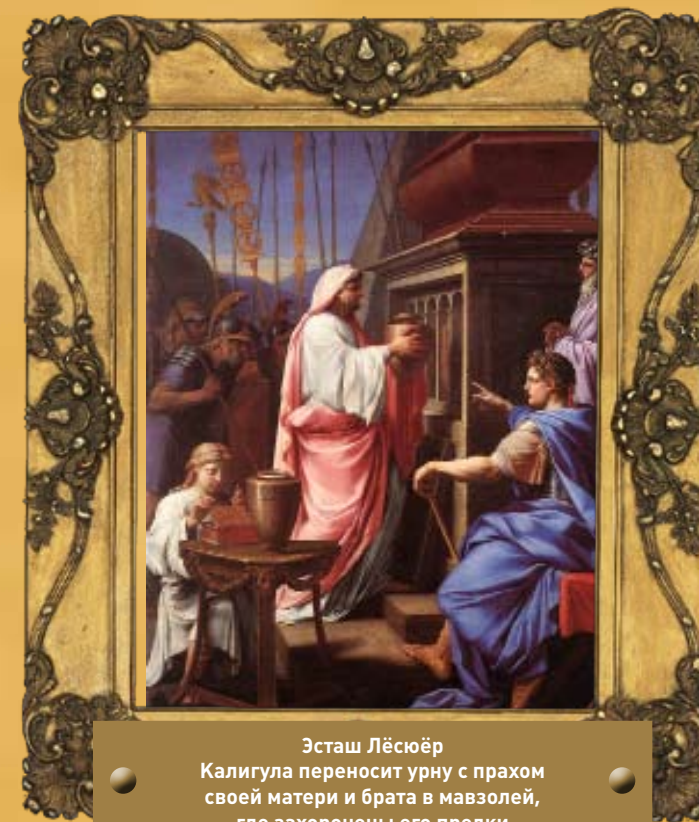
Что же касается титула, который Октавиан взял себе в 27 году до н. э. якобы по настоянию сената, то он означал «возвеличенный» (от лат. Augustus) и также закрепился в римском праве. В результате реформ Диоклетиана этот титул носили старшие сопровители цезарей (то есть титул «август» считался более высоким, чем «цезарь»), но в дальнейшем он так и не прижился, хотя в русском языке понятие «августейшая особа» не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о монархе.

Август создал принципат. Но воспитывался он в условиях ожесточенной борьбы за власть сначала

между своим приемным отцом Цезарем и Помпеем, а затем в ходе собственной войны с Марком Антонием. Таким образом, жизнь Октавиана Августа, полная военных кампаний, приключений и опасностей, превратила его со временем в разумного правителя, что и обеспечило вхождение «римского» проекта в период «великого единения». К сожалению, его потомки, представители династии Юлиев-Клавдиев, благочестием не отличались, и это мягко сказано: если и есть в мире пороки, которым бы они не предавались, то найти их весьма сложно. И первым реальным злодеем на троне оказался пасынок Августа, сын его жены Ливии – Тиберий.

Тиберий Юлий Цезарь Август (42 до н. э. – 37 год н. э., правил с 14 года) вошел в историю, прежде всего, как император, во времена которого в далекой римской провинции Иудее был казнен Спаситель. Именно его лик предстал перед Понтием Пилатом, когда он рассматривал дело еврейского раввина из Галилеи Иешуа Га-Ноцри (если судить по роману Булгакова «Мастер и Маргарита»). Да, да! Именно его обезображенное язвами лицо заставило храброго римского прокуратора проявить малодушие. Он до такой степени испугался, что предпочел вынести смертный приговор безвинному, тем самым обрекая себя на вечные муки и проклятия. Но это нам сегодня легко рассуждать: мы же не знаем, что вытворял этот тиран. А он был мастак на казни и расправы! Наш Иван Грозный, прозванный за особо жестокий нрав Васильевичем (шутка чиновников аппарата ЦК КПСС времен Сулова и Андропова), по сравнению с ним – агнец безвинный. Правда, Тиберий не сразу стал таким. В молодости он был успешным полководцем и политическим деятелем. Настолько успешным, что Август даже приблизил его к себе и женил, против воли самого Тиберия, на своей дочери. Но этот брак не удался и привел сначала к отстранению Тиберия от ключевых постов, а затем и к добровольной ссылке на остров Родос, где он в ужасе ожидал смерти. Тиберия спасло лишь участие его августейшей супруги Юлии Старшей в заговоре против собственного отца, то есть самого Августа. Юлию изгнали из Рима, Тиберия же вернули туда с почестями. А дальше уж его маменька Ливия, любимая супруга Октавиана, расчистила ему дорогу к трону, убрав всех соперников, в том числе и великого полководца Германика, триумфатора и реального претендента на высшую власть.

Тем не менее Тиберий был не самым плохим правителем, во всяком случае, римский историк Светоний с восторгом отзываясь о первых годах правления этого императора, указывая на такие его качества, как скромность, бережливость и щедрость. И все же... Были жестокие казни, попрание законности, разврат. И если Тиберий и выглядит неплохо в ис-

Эташ Лёсюёр
Калигула переносит урну с прахом
своей матери и брата в мавзолей,
где захоронены его предки

торическом плане, то лишь потому, что наследовал ему Калигула.

Гай Юлий Цезарь Август Германик (12–41, правил с 37 года) был настоящим исчадием ада, которого «...природа создала словно затем, чтобы показать, на что способны безграничная порочность в сочетании с безграничной властью...» (Сенека). Он был третьим ребенком Германика (внук жены Августа, Ливии; сын родного брата Тиберия, Друза) и внучки самого Августа, Агриппины Старшей. То есть по материнской линии он приходился правнуком основателю империи, а по отцовской – был внучатым племянником Тиберия. В детстве отец-полководец таскал его за собой в военные походы, одевая в специально сшитые для него латы и доспехи. На нем столь умильно выглядели маленькие сапожки, калиги, что легионеры, обожавшие своего непобедимого военачальника Германика, дали мальчику прозвище Калигула («сапожок»), которое за ним и закрепилось.

Ему было всего семь лет, когда он лишился отца, по слухам, отравленного по приказу собственного дяди, правившего в то время Тиберия, который опасался славы своего талантливой племянника. Ребенка сразу же отправили на воспитание к прабабке Ливии, где он рос в обстановке интриг, подлости и предательства. Позже его забрал к себе «лю-

блещущий дедушка» Тиберий. И там, на Капри, где тот оборудовал себе постоянную резиденцию, Калигула получил уже полное представление о том, что такое неограниченная власть и как ее можно использовать. По одной из версий, он задушил Тиберия, после чего и стал императором, хотя вполне возможно, что Тиберий умер своей смертью – сейчас, две тысячи лет спустя, трудно доказать первое и опровергнуть второе. Да и не в этом суть: главное в том, что императорская, абсолютная, неограниченная власть досталась человеку с изломанной психикой, благодаря чему продемонстрировала все свои отрицательные стороны.

Итак, в 25 лет Калигула стал первым лицом в самом мощном государстве западной, Средиземноморской, цивилизации, так что, можно сказать, полмира оказалось в его полном распоряжении, и у парня от этого, как мы говорим сегодня, «съехала крыша».

Калигула «прославился» тем, что убивал без суда и следствия всех подряд, насиловал своих родных сестер, создал бордель в обязательном порядке должны были «работать» жены и дочери римской знати, которую он люто ненавидел, а чтобы окончательно унижить ее верхушку, сделал сенатором своего коня. Это о нем сказал Светоний: «Не было на свете лучшего раба и худшего господина». Когда же Калигулу предупреждали о том, что безудержный разврат и жестокость, которым он чуть ли не ежедневно предавался, никак не способствуют росту его популярности и любви, он цинично заявлял: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Что из всего этого правда, а что – ложь, сказать трудно. К тому же здесь важно другое: пример Калигулы – это предупреждение всем нам о том, что безграничная власть ни к чему хорошему не приводит и, может быть, дается человеку смертному лишь на время, для решения четко очерченных задач. Как это было в республиканском Риме, где отдельным лицам давалась власть диктатора.

Но на ошибках истории никто не учится. И после того, как преторианцы убили Калигулу через четыре года его бесчинств и провозгласили императором его дядю Клавдия, умершего через 13 лет правления, в 54 году н. э. на трон вновь взошел человек, до сих пор олицетворяющий ужас, беззаконие и смерть, – Нерон.

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68, правил с 54 года), приходившийся племянником Калигуле, родился в год интронизации своего дяди-злодея. Его мать, Агриппина Младшая, с присущими ей крайним себялюбием, властью и распущенностью, была родной сестрой Калигулы, который, по слухам, с сестренкой сожительствовал. И в отношении пороков племянник недалеко ушел

от своего дяди, а в чем-то даже превзошел его. Когда он родился, его отец, Гней Домиций Агенобарб (внучатый племянник Августа), в ответ на поздравления друзей воскликнул: «От меня и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества».

И Нерон всей своей жизнью подтверждал пророческие слова родителя. Он убил мать, которая столько сил положила на организацию интриг и заговоров для возведения сына на престол, ради этого отравив даже собственного мужа и родного дядю императора Клавдия (тот женился на ней спустя несколько лет после смерти отца Нерона). При этом мама явно не собиралась оставаться в тени своей креатуры, ведь это она сделала 17-летнего сына властителем, а значит, ей полагаются и все козыри. Но мальчик захотел править самостоятельно: напитавшись философских идей от своего учителя, знаменитого Сенеки, он стремился как можно скорее воплотить их в жизнь, дабы облагодетельствовать мир. В общем, маму, которая постоянно лезла не в свое дело и тем самым мешала, сынок убил, хотя, говорят, сильно потом переживал. При этом был уверен, что поступил правильно, поскольку настоящему цезарю не важно, кто стал препятствием на его пути: мать, отец, дети, друг, наставник... Сводный брат Британник, мать Агриппина Младшая, первая жена Клавдия Октавия, учитель Сенека – все они пали жертвой тирана. Ибо главным для него была цель! А она ведь всегда во благо, и останавливаться нельзя!

Но более всего Нерон прославился гонениями на христиан. Обвинив их в поджоге Рима, который, вероятно, сам же и запалил, он убивал их самыми изощренными способами: бросал на съедение диким зверям в римских цирках на потеху оскотинившемуся плебсу, делал из них для своих пиршеств «живые светильники», пропитывая воском и поджигая на столбах, рубил мечом и топором. Два величайших христианских апостола, Петр и Павел, погибли именно во времена нероновских гонений: первого распяли на кресте, второму отрубили голову. Недаром именно Рим эпохи Нерона стал прообразом вавилонской блудницы, а сам император – прототипом антихриста.

При этом Нерон всеми фибрами души стремился к прекрасному. Он был не чужд писательству, мнил себя великим певцом и поэтом, уподоблялся героям античного эпоса. Всю жизнь он мечтал о сцене, и его последними перед смертью словами были: «Какой великий артист погибает!». Но это ни в коей мере не отменяет его первенства в качестве главного злодея в человеческой истории. Ибо почти все тираны и маниакальные убийцы были предрасположены к высокому искусству. Китайский император Цинь

Генрих Семирадский.
«Светочи христианства (Факелы Нерона)»

Шихуанди, закопавший живыми около сорока тысяч пленников, уничтоживший всю конфуцианскую профессуру и труды великих философов, считал себя первооткрывателем новой эры гармонии и процветания. Наполеон Бонапарт, покровитель Гранд-опера, утопил в море четыре тысячи мамелюков лишь потому, что было жаль раскодовать на них пули, столь дефицитные в его египетском походе. Адольф Гитлер был прекрасным художником и дизайнером, подарившим миру экстерьер знаменитого автомобиля «фольксваген-жук». Сталин писал стихи, причем, говорят, хорошие. Так что увлечение Нерона музами никак его не оправдывает.

Итог – нет ни одного злодея или тирана, который бы не заплатил жизнью за свои преступления! Кара в любом случае настигает: рано или поздно они сами либо их ближайшие потомки плохо заканчивают. Не было исключением и Нерон. Когда-то любимец народа, он стал ненавистен абсолютно всем, и его все покинули, вынудив к самоубийству. При этом рядом не оказалось никого, кто бы мог его хотя бы ободрить. Правда, некоторые авторы, стремящиеся к литературным изыскам и историческим парадоксам, пишут, что рядом с ним всегда была его первая наложница Акта, которая якобы любила его всю жизнь. Но либо это «бред сивой кобылы», либо сама Акта была не совсем нормальна, ибо как можно любить чудовище, нравственного и морального уродца, способного рас-

топтать новорожденного и получать удовольствие от потоков крови?!

Нерон ушел из жизни в 68 году, став последним императором из **династии Юлиев-Клавдиев**. Кажется, что теперь Рим, увидевший за 50 лет примеры самой отвратительной тирании, вернется к золотому веку республиканского благоденствия. Ан нет! Началась борьба за высшую императорскую власть, победу в которой в 69 году одержал талантливый полководец Веспасиан.

Тит Флавий Веспасиан (9–79, правил с 69 года) стал основателем **династии Флавиев**, при которых был разрушен Иерусалим, уничтожен храм царя Соломона и исчез ковчег Завета. При нем началось сооружение самого большого в мире амфитеатра, известного как Колизей. Он был мудрым человеком и трезвым политиком. Первым ввел налоги на отхожие места (общественные туалеты), а на возражения оппонентов ответил ныне всем известной фразой «деньги не пахнут». Не боялся смерти и при ее приближении якобы сказал: «Кажется, я становлюсь богом», тем самым обыграв бытовавшую тогда традицию возводить в божественный сан от имени сената умерших добродетельных правителей.

Он был одним из лучших римских императоров. Таковым же стал и его сын Тит. Но тот вскоре умер, и власть перешла к Домициану, о котором ничего хорошего сказать нельзя. Он перечеркнул все то доб-

Романо Джулио. «Триумф Тита и Веспасиана»

рое, что было сделано его отцом и старшим братом, и в итоге был убит. Чтобы избежать смуты и войны, сенат провозгласил императором Нерву.

Марк Кокцей Нерва (30–98, правил с 96 года), основатель династии **Антонинов**, родился в городе Нарния, известном любителям детских боевиков «Хроники Нарнии». На момент интронизации ему было 66 лет – возраст весьма почтенный, особенно для тех времен, когда люди в среднем едва переваливали за пятьдесят. Он происходил из весьма уважаемого италийского рода, состоявшего в родстве с императорами. И был, безусловно, очень умным, мудрым политиком, что позволило ему оказаться в фаворе у таких разных по своим характерологическим свойствам владык, как Нерон (при нем Нерве установили памятник за раскрытие заговора Пизона), Отон (невесткой этого императора была родная сестра Нервы), Веспасиан и даже Домициан. Неудивительно, почему именно его кандидатуру поддержал сенат: уставшие от непредсказуемости и жестокости последнего из династии Флавиев, сенаторы просто хотели передышки, спокойной жизни. И они ее получили.

Первым же своим актом Нерва подтвердил властные prerogatives сената и пообещал, что ни один из сенаторов не будет казнен при его правлении. Он приостановил действие закона об оскорблении «Его величества» (напомню, что именно по этому закону Пилат осудил Иисуса Христа) и, объявив амнистию, выпустил из тюрем всех политических заключенных. За короткий срок своего правления он восстановил законность, провел экономические реформы, позволившие наполнить государственную казну, привел в порядок дорожную сеть, расширил акведуки, перестал применять смертную казнь и... И сразу же продемонстрировал всем собственную слабость. Увы, это так! Мудрый правитель, избегающий казнить своих противников, не проявляющий жестокости, стремящийся к добру и справедливости считается слабаком. Таков закон, который вытекает из всего исторического развития человечества. И сколь ни печально, но это факт!

Сторонники убитого Домициана, весьма популярного в армейских кругах, организовали заговор, фактически пленили Нерву, и тот под давлением об-

стоятельств вынужден был определить наследника, который бы имел авторитет и в армии, и в народе. К счастью, его выбор оказался наилучшим для римлян и империи. Вот что писал об этом историк Дион Кассий: «Итак, Траян стал цезарем, а позднее императором, несмотря на то что у Нервы были кровные родственники. Однако тот ставил безопасность государства куда выше родственных привязанностей. Его решение также не смог поколебать тот факт, что Траян был испанцем по рождению, а не римлянином и даже не италиком, и что вплоть до того времени ни один иностранец никогда не властвовал над Римом; ибо он был твердо уверен, что человека следует оценивать по его способностям, а не по происхождению».

Марк Ульпий Нерва Траян (53–117, правил с 98 года). Великий полководец, сумевший покорить даков, разгромить старого соперника Рима – Парфию, завоевать Армению, превратить в римскую провинцию Аравию. Был храбр в бою и справедлив в делах гражданских. И как гласит легенда, хотя не исповедовал христианскую религию, через 400 лет после смерти получил за свою добродетель спасение (с помощью Папы Григория Великого, который молил об этом нашего Небесного Отца и получил подтверждение, что его просьба услышана). Не любил донощиков, поэтому практически сразу после прихода к власти собрал всех сексотов и, посадив их на корабль, отпустил на волю волн. В повседневной жизни предпочитал ходить пешком в отличие от своих предшественников, которые «как бы боясь равенства, теряли способность пользоваться ногами». Вошел в историю как «лучший правитель Рима». Существует версия, что упоминаемый в «Слове о полку Игореве» Троян («Были вочи Трояни») – это римский император Траян, слава о котором пережила века и ассоциировалась с «золотым веком» не только в древнеримской истории, но и в жизни русского государства.

При Траяне Римская империя достигла своих наивысших пределов: как с точки зрения территории, так и политического, экономического и культурного обустройства. Последующие императоры лишь «проедали» великое наследие предшественника, что было обусловлено в том числе объективными причинами: закономерным сползанием Римского проекта в «хаос» очередного цивилизационного цикла своего развития. Заложенные в «траянские» годы основы «золотого века» поддерживали приемный сын Траяна император Адриан (76–138, правил с 117 года), затем приемный сын Адриана Антонин Пий (86–161, правил с 138 года) и, наконец, приемный сын Антонина – Марк Аврелий. Все они почитаются лучшими властителями за всю историю Рима, являющимися собой образец служения государству и народу.

Марк Аврелий (121–180, правил со 161 года). Правитель-философ, автор книги «Размышления», в которой он писал: «Время человеческой жизни – миг, ее сущность – вечное течение, ощущение – смутно, строение всего тела – бrenно, душа – неустойчива, судьба – загадочна, слава – недостоверна. Одним словом, все, относящееся к телу, – подобно потоку, относящееся к душе – подобно сновидению и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине, посмертная слава – забвение...». Его конная статуя в Риме на Капитолийском холме – единственный сохранившийся монумент времен Империи. Говорят, вандалы не уничтожили его в момент известного нашествия на Рим лишь потому, что приняли восседавшего на коне Марка Аврелия за Константина, который почитался ими как добрый христианин и святой. На этом императоре заканчивается «золотой век» римской истории.

Так уж получилось, что пока в династии Антонинов власть передавалась от отца приемным сыновьям, все в государстве шло по нарастающей. Но со смертью Марка Аврелия на престол взшел его родной сын Коммод – и рай превратился в ад.

Луций Элий Аврелий Коммод (161–192, император со 180 года). После триумфального шествия голливудского блокбастера «Гладиатор» имя Коммода, блистательно сыгранного Хоакином Фениксом, стало известно миллионам жителей планеты. Правда, сразу же оговоримся, что фабула фильма имеет мало общего с реальными событиями*.

Коммод вошел в историю как злодей, тиран и убийца. А как не стать таким? Если твой папа – самый главный во всем цивилизованном мире и все свое время посвящает государственному строительству, философским размышлениям, написанию трактатов и поэм? А ты растешь в окружении лести, угодничества и вечного потакания бесчисленной челяди и нянек? К тому же ты уже заранее смирился с тем, что выше папы не прыгнешь. Ну и зачем напрягаться? Тем более, что тебе всего 19 лет, а ты уже – император! От этого у кого угодно «крыша поедет». Вот она и поехала.

Юный цезарь бросается в омут развлечений, обзаводится собственным лупанарием, куда сгоняет несколько сот мужчин и женщин, с которыми предается всем мыслимым и немыслимым формам разврата и извращений. Свальный грех, содомия, изощренный садизм и мазохизм – все это всячески приветствуется при его дворе. Но радости плоти быстро надоедают. Его пылливый (от слова «пытка») и большой ум требует познаний в неведомом мире человеческой сущности, и он начинает экспериментировать с живыми людьми, играя «в больничку» и препарирова тела несчастных.

Как всякий психически ущербный и неполноценный тип, он мечтал о славе, повторяя в этом своего

* Хотя то, что на самом деле происходило в Древнем Риме почти 2000 лет назад, неведомо никому.

** Участие в гладиаторских боях свободных граждан не просто не приветствовалось, а почиталось позором, поскольку гладиатор с древнейших времен считался не чем иным, как жертвенным животным. В глубокой древности римляне отказались от человеческих жертв. Но на могилах только что похороненных героев устраивали бои с участием захваченных в плен побежденных врагов, вооружая их мечами (гладдиусами – отсюда и слово «гладиатор») и таким образом обильно сдобривая кровью несчастных свои молитвы о милости к павшим.

*** История чем-то напоминает убийство Распутина: того тоже травили, потом душили, потом топили. И это говорит о том, что все сюжеты уже давно известны и описаны.

предшественника Нерона. Но если тот грезил о славе великого артиста, поэта и певца, то Коммоду, от природы физически сильному и ловкому, хотелось безграничного почитания как непобедимого воина. К сожалению, его великие предки покорили все, что можно было покорить, не оставив ему шансов для воинской славы. И тогда он начал блистать в цирках в качестве гладиатора, беспощадно убивая людей и животных, которых выгоняли на песчаную арену суровые служители, заранее понимая, что шансов на выживание у тех нет. Но кто же из смертных осмелится оказать сопротивление и противиться самому закованному в золотые латы богу, который как бы призывал обреченных на суд и убивал их всеми доступными тогда способами: мечом, копьем, стрелой, трезубцем, огнем, дубиной, камнем, руками, наконец. Делал он это часто и с огромным для себя удовольствием, проведя более 700 боев**.

Но ему все было мало. Подобно старухе из известной пушкинской сказки, он захотел получить то, что получить невозможно, и потребовал от сената своего обожествления под видом Геркулеса. Теперь он был не Коммодом, сыном Аврелия, а Гераклом, сыном Юпитера. При этом сам поклонялся культуре египетского бога Анубиса, который провожал людей в царство мертвых, и носил на голове его шакалью маску.

«Великий реформатор», он не мог оставить в покое и календарь, изменив названия месяцев: август – на «коммод», сентябрь – на «геркулес», ноябрь – на «победителя», а декабрь – на «амазонку». Но последнее, что окончательно доконало и сенат, и народ, и армию: он переименовал Рим в Коммод. Это убедило его окружение в том, что он просто помешался. И 31 декабря 192 года его убили в результате заговора, в котором приняла участие его любовница Марция. Именно она напоила Коммода отравленным вином, но его крепкий организм справился с ядом. И тогда его задушил некий Нарцисс, вольноотпущенник и атлет, спарринг-партнер незадачливого императора по борьбе***.

Он действительно был сыном Марка Аврелия, и это лишний раз убеждает в том, что наличие замечательных родителей вовсе не исключает возможности рождения детей-уродов, равно как и наоборот: от мерзких пап и мам может произойти на свет вполне благопристойное потомство.

Правление Коммода ознаменовало собой падение Римского проекта в пучину очередного хаоса, в полном соответствии с законом цикличности. С его смертью империю захлестнула волна гражданских войн, путчей и заговоров. Законность и порядок были попорнены. Сила стала главным аргументом в политике.

После убийства последнего Антонина императором провозгласили умного и рассудительного

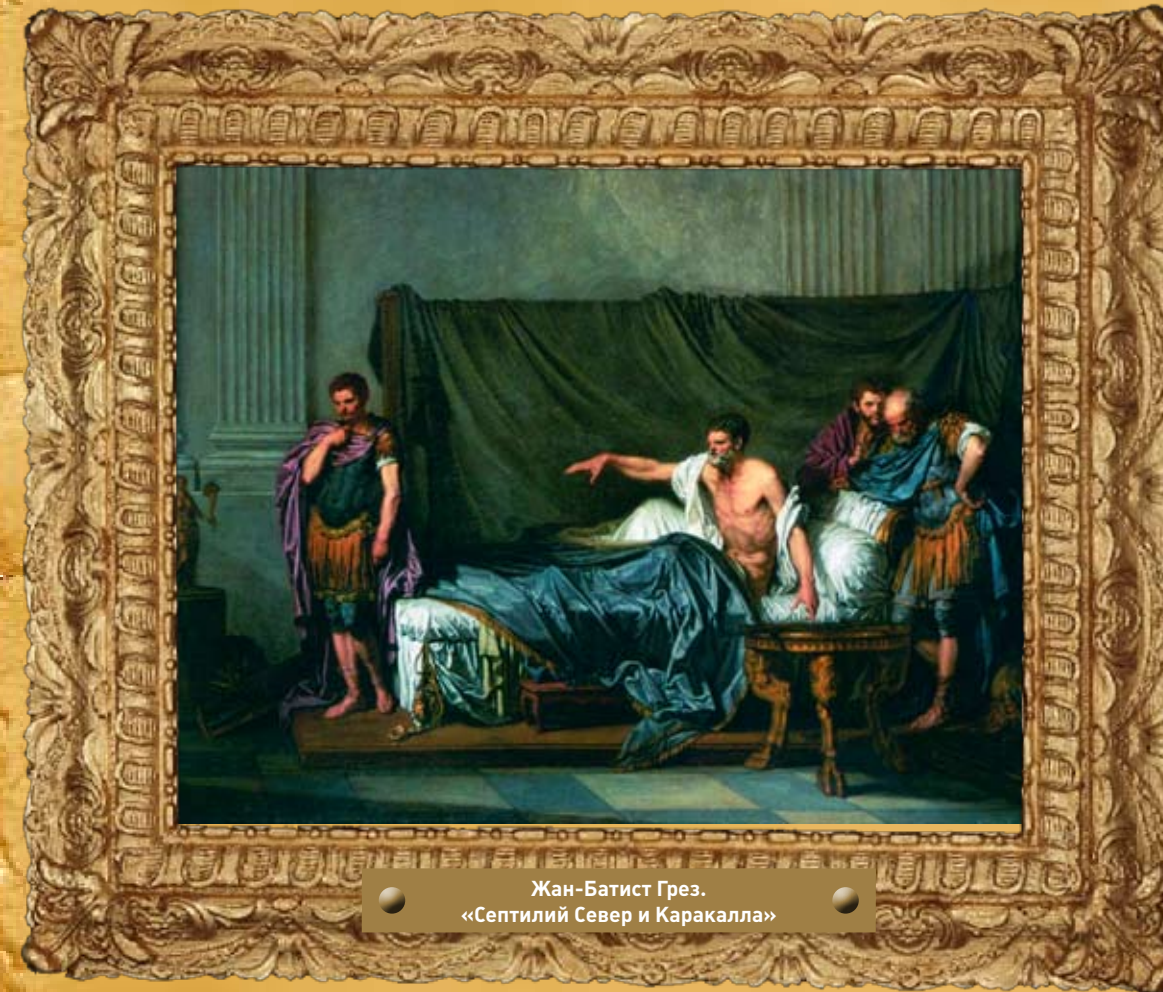
Пертинакса. Но через три месяца, то есть уже в марте 193 года, он был убит недовольными его реформами преторианцами, которые тут же («О времена! О нравы!») **выставили должность императора на аукцион!** И нашлись-таки те, кто в этом аукционе принял участие.

Этот торгашеский беспредел в столице империи, которая занимала огромные территории, никак не мог удовлетворить военную верхушку. И римские полководцы один за другим начинают провозглашать себя императорами (недаром 193 год получил название «года пяти императоров»): Пертинакс, Дидий Юлиан, Песценний Нигер и, наконец, Септимий Север, сумевший на какое-то время стабилизировать ситуацию.

Септимий Север (146–211, император с 9 апреля 193 года) – выдающийся военный и государственный деятель. Прекратил смуту и гражданскую войну, вспыхнувшую в результате пресечения династии Антонинов, чье имя он взял себе для придания законности своему правлению, назвавшись сыном Марка Аврелия и братом Коммода. Своей железной рукой он объединил государство, возродил славу римского оружия. И первым открыто заявил о своих монархических претензиях: до его правления «добродетель и здравомыслие императоров проявлялись в подлинном или внешнем почтении к сенату... Север же не хотел унижаться до того, чтобы называть себя слугой собрания...» (Н. Макиавелли. Государь). **Именно при нем юридически были закреплены принципы, в соответствии с которыми император был свободен от каких-либо ограничений и мог свободно распоряжаться жизнью и имуществом своих подданных.**

«Север... прославился такой доблестью, что не утратил расположения солдат до конца жизни и счастливо правил, несмотря на то, что разорял народ. Доблесть его представлялась необычайной и народу, и войску: народ она пугала и ошеломляла, а войску внушала благоговение... он вел себя то как свирепейший лев, то как хитрейшая лиса... он всем внушил страх и почтение... разоряя подданных, он не возбудил ненависти, ибо был защищен от нее своей славой...» (Н. Макиавелли. Государь). Но 18 лет мира и спокойствия быстро закончились. Со смертью Севера вновь наступили мрачные времена беззакония и мрака. Его наследники бросились делить доставшееся им наследство. И все потеряли.

Его сын, **Каракалла** (188–217 годы, правил с 211 года), известный, прежде всего, благодаря сохранившемуся в Риме памятнику античной архитектуры «Термы ди Каракалла» (Бани Каракаллы), не успев взойти на престол, тут же убил родного брата Гету, с которым, правда, никогда не был дружен. При этом, хорошо зная странную привычку римлян обожествлять ушедших в мир иной августейших особ,

Жан-Батист Грез.
«Септилий Север и Каракалла»

якобы сказал: «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым». Он запятнал себя также казнью Фадиллы, последней из оставшихся в живых детей императора Марка Аврелия. А всего в результате инспирированных им репрессий было уничтожено более 20 тыс. так называемых друзей Геты. Первый из римских правителей, ставший «врагом для всего народа», так как не ограничился в своих кровавых игрищах Римом и его окрестностями. В частности, во время поездки по провинциям он отдал приказ перерезать всех жителей Александрии. По мнению некоторых авторов, был также первым из правителей Рима, на которых легла печать варваризации. Убит в результате заговора преторианцев, чей начальник, **Макрин**, был провозглашен императором сразу после этого убийства.

Но одно дело плести заговоры, а другое – управлять империей. Макрин с этим не справился. И уже через год по стране прокатился слух, что жив сын Каракаллы (эдакий римский Лжедмитрий). Ликующий

народ, забыв о зверствах предыдущего правителя, восстал против Макрина. Его схватили, убили сначала сына (вот она, цена власти), а затем и его самого. Новым правителем стал близкий родственник Каракаллы по линии матери, его двоюродный племянник Гелиогабал.

Марк Аврелий Антонин Гелиогабал или **Элагабал** (204–222, правил с 218 года) был провозглашен императором в 14 лет. Ходили слухи, что на самом деле его родство с убитым предшественником гораздо ближе: якобы его мать, будущая регентша Юлия Соэмия Бассиана, состояла в интимной связи со своим двоюродным братом, императором Каракаллой, и Гелиогабал стал плодом этой любви.

Но был ли он плодом или нет, не ясно. Хотя если и был, то абсолютно прогнившим: такого плохого императора Рим еще не знал. Воистину заблуждаются те, кто думает, что у зла есть дно. Юный рекс перещеголял всех своих предшественников: и Калигулу, и Нерона, и Коммода. Испорченный

вседозволенностью, он проводил жизнь в похоти и роскоши, окружал себя льстецами и лицемерами, что не могло не сказаться на всем его правлении. Лишенный каких-либо талантов, он требовал величать себя царем и богом, что вызвало особую ненависть у римских граждан и ветеранов армии. Сенат при нем потерял последние атрибуты самостоятельности, его состав был размыт выходцами из Азии, на государственные должности назначались люди низших сословий, выслужившиеся перед ничтожеством. Считая себя богом Солнца, он надругался над римскими святынями, алтарями и храмами, оттеснив их на второй план. Притащил в Рим из Карфагена тамошнее божество и обвенчал его со своим истуканом, что для римлян вообще стало шоком, учитывая их генетическую ненависть к карфагенянам. Хвалясь своими любовниками, открыто предавался мужеложеству. В общем, порезвился от души. В результате его убили восставшие гвардейцы, «сенат заклеил его память вечным позором» (Э. Гиббон), а престол перешел к его двоюродному брату Александру Северу.

Марк Аврелий Север Александр (208-235, правил с 222 года) был на четыре года младше своего сумасшедшего кузена, и на момент воцарения ему исполнилось 13 лет. В государстве было неспокойно, но нормализовать ситуацию ему не удалось. А кроме того, активизировались внешние враги империи: на востоке – персидская держава Сасанидов, на севере – германские племена. Почему взбунтовался легион Фортуны, не совсем понятно. Но факт остается фактом: в марте 235 года восставшие солдаты убили и Александра, и его мать, открыв кровавую эпоху «солдатских императоров», которая окрасила в красные тона весь III век.

Это столетие вообще оказалось особым в истории Римского проекта: кроме Септимия Севера и Гостилиана (умер от чумы в 251 году), в этот промежуток времени были убиты все императоры! И все же империя выкарабкалась из очередного хаоса и благодаря гению Диоклетиана вошла в следующий период – «малого процветания».

Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (245–313, правил с 284 по 305 годы) стал римским императором 20 ноября 284 года. Он завершил кризис III века, восстановил империю, установил порядок и законность, полностью покончил с исчерпавшей себя формой государственного устройства под названием «принципат»*, введенной Августом, и стал открыто править как самодержец и господин (Dominus), начав новую эру в римской истории – доминат.

Выходец из бедной семьи, человек, «сделавший себя сам», храбрый воин и блестящий полководец (поднялся в иерархии от рядового до командира элитного полка *protectores domestici* – телохрани-

тели императора, а затем и до командования армией), получивший почетный титул «Германский Величайший», Диоклетиан является единственным в мировой истории монархом, который определил себе конкретный срок правления, 20 лет, и добровольно отошел от власти в строгом соответствии с самим же собой установленным порядком.

Существует легенда, повествующая о том, как сенаторы (по другим версиям, его бывший соправитель Максенций или тетрархи Максимиан и Галерий) приехали к нему в его поместье с просьбой вернуться на престол. Но он отказал им, произнеся при этом знаменитую фразу: «Лучше посмотрите, какую я вырастил капусту».

По праву считается самым значительным реформатором за всю историю Римской империи. Однако при нем же возобновились гонения на христиан, которым в 303 году запретили собираться для проведения культовых мероприятий. Одновременно с этим подлежали уничтожению христианские книги и молельные дома (церкви). Начался период репрессий, во время которого многие последователи новой религии были замучены и изуверски казнены. Тем не менее некоторые исследователи полагают, что репрессии Диоклетиана не носили широкого характера, а краски были сгущены историками позднего времени, которые таким образом пытались реабилитировать самих христиан, повинных в массовом уничтожении языческих храмов, произведений искусства, старых книг и поголовном истреблении еретиков.

Диоклетиан перенес столицу из Рима в Никомедию и придал официальный статус титулу «император» как высшему должностному лицу в государстве. Вот как оценивает Диоклетиана Эдвард Гиббон в своем труде «Упадок и разрушение Римской империи»: «У Диоклетиана всегда хватало мужества на то, чтобы выполнять долг и действовать в соответствии с обстоятельствами, но похоже, что он не обладал той благородной отвагой, которая заставляет героя искать опасности и славы, презирать хитрость и дерзко требовать верности от равных ему. Дарования Диоклетиана были скорее полезными, чем блестящими, – сильный ум, отточенный жизненным опытом и изучением людей; находчивость и прилежание в делах; хорошо рассчитанная смесь щедрости и бережливости, мягкости и строгости; продуманная на много шагов вперед хитрость под видом солдатской прямоты; постоянство в преследовании своих целей и гибкость в выборе средств, которые он мог менять; и прежде всего великий дар подчинять и свои, и чужие страсти интересам своего честолюбия и окрашивать это честолюбие в самые подходящие на данный момент оттенки справедливости и любви к общественному благу».

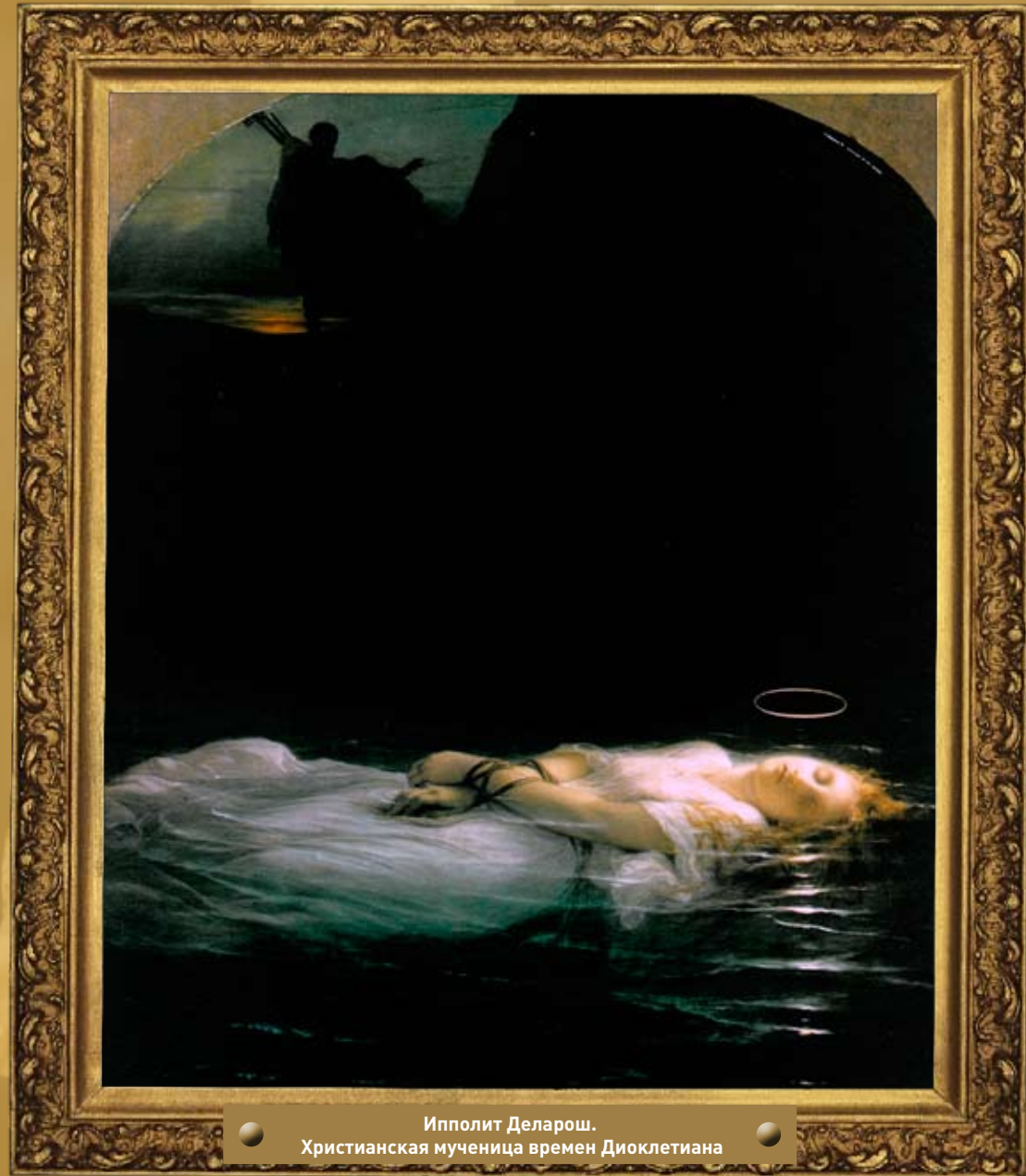
Великий историк прямо называет Диоклетиана «гением»: «Максимиан (соправитель Диоклетиана. – Прим. автора) при своем высокомерном и буйном нраве... привык уважать гений Диоклетиана...».

Время Диоклетиана иногда называют вторым «золотым веком», поскольку ему удалось прекратить гражданские войны, восстановить границы империи, вернуть авторитет власти. Но, увы, в реальности мир продержался недолго, и уже при его преемниках вновь разгорелась борьба за власть. Причем основу для новых междоусобных войн заложил сам великий иллириец своей политической реформой, в соответствии с которой власть в империи осуществляли четыре человека: двое – с титулом «августа» и двое – с титулом «цезаря». То есть он создал систему, так называемую тетрархию, которая привела к очередному переделу власти, а через сто лет – к окончательному разделу империи на Запад и Восток. Начавшаяся вскоре после ухода от власти Диоклетиана гражданскую войну выиграл Константин.

Константин I Великий (272–337, правил с 306 года). Фактически это первый император Восточной Римской империи, поскольку именно при нем столица государства была перенесена из Рима в Византий, который впоследствии был переименован в Константинополь (он же Царьград, современный Стамбул).

Отличался властью и изощренной жестокостью, особенно в последние годы правления. По его приказу были убиты его собственный сын Крисп и племянник Лициний, а жену Фаусту он в букваль-

Ипполит Деларош. Христианская мученица времен Диоклетиана

ном смысле слова «запарил», заперев в бане, где она задохнулась от жара. После него государство стало медленно катиться к закату, расколу на Запад и Восток, окончательному разрушению.

И вместе с тем это самый почитаемый император в христианском мире, так как именно он легализовал новую веру (Миланский эдикт о веротерпимости от 313 года), провел в 325 году Первый Вселенский собор в городе Никея (ныне Изник, Турция), принял крещение.

За заслуги перед церковью Константин I канонизирован, признан святым равноапостольным.

* Со времен Октавиана Августа император считался «первым среди равных», то есть принцепсом сената. Отсюда и термин «принципат».

Наследовавший ему сын **Констанций** (317–361, правил единолично с 350 года) получил власть в результате длительных кровавых разборок, в ходе которых практически весь род Константина Великого был уничтожен. Несмотря на свою молодость, проявил себя блестящим полководцем и великодушным политиком. В декабре 350 года лишь силой красноречия одержал верх над претендентом на «империум», полководцем Ветранионом. При этом помиловал его и дал возможность спокойно дожить до смерти, даже назначив ему пенсию. 28 сентября 351 года одержал победу над самозванцем Магнецием в битве при Мурсе, которая считается самым кровопролитным сражением IV века.

Здесь следует сказать, что в древности жизнь правителей была весьма опасна. Им постоянно приходилось с кем-то воевать, причем идти во главе войска, бороться с негативными экономическими явлениями, оберегать свою власть от претендентов. Да, они позволяли себе пиры и всякие шалости. Но при этом совершали многодневные переходы, делили со своими солдатами тяготы воинской службы, рисковали собственной жизнью в непрекращающихся битвах. Сегодняшние правители при сохранении всех привилегий, предполагаемых их местом в общественной иерархии, практически ничем не рискуют, что несправедливо.

Все 24 года пребывания у власти Констанций постоянно воевал, то соперничая с персами на востоке, то усмиряя германцев и галлов на севере и западе. И все это в обстановке заговоров и бунтов, которые вспыхивали в различных частях его необъятной империи. Он оказался достойным преемником своего великого отца. Умер в походе, передав власть единственному выжившему родственнику, своему двоюродному брату Юлиану.

Юлиан Отступник (331–363, правил единолично с 361 года). Сын Юлия Констанция, брата Константина I, выжил лишь потому, что во время кровавых разборок в семье этого великого императора, устроенных его наследниками, ему было всего 6 лет. В историю вошел, прежде всего, как человек, попытавшийся вернуть к жизни дохристианские культы и верования, за что был осужден официальной церковью, наградившей его прозвищем «отступник». Его же имя тесно связано с Парижем, городом, в котором он долгое время жил и который искренне любил. Погиб во время похода против персов. Ему якобы принадлежит слова «Ты победил, Галилеянин!», которые он произнес, чувствуя приближение своей смерти. Но, скорее всего, это вымысел христианских историков, пытавшихся таким образом представить капитуляцию этого смелого и умного правителя перед крестом. По мнению историка Эдварда Гиббона, главным принципом его правления

была «забота о спокойствии и счастье подвластных ему людей».

Юлиан, погибший в бою с персами в 363 году, был последним императором из династии Константина Великого. После его смерти в течение 7,5 месяцев на троне находился военачальник Иовиан, провозглашенный войсками императором за приверженность к христианской религии. Он умер при невыясненных обстоятельствах, и империя вновь раскололась на уделы, в которых правили свои августы и цезари. В последний раз объединить государство удалось Феодосию.

Феодосий I Великий (346–395, правил с 379 года). Выбор на него пал после очередной смуты, когда вновь решалась судьба государства. Он оказался последним императором, кому удалось объединить империю, причем сделал это незадолго до своей смерти. «Мудрость его законов и успехи его оружия заслужили для его власти уважение и у его подданных, и у его врагов. Он любил и практиковал в своей жизни домашние добродетели, которым редко находит место во дворцах царей» (Э. Гиббон).

Феодосий официально разделил Римскую империю между своими сыновьями Гонорием (Запад) и Аркадием (Восток). В 384 году провозгласил христианство единственной религией империи. При нем прекратилось празднование Олимпийских игр (393 год).

После Феодосия Великого Римская империя уже никогда не была единым целым. И хотя разные ее части носили практически одно и то же название – Рим (византийцев часто называли румами, то есть римлянами), Рим Запада отличался от Рима Востока не только географически, но также идеологически, ментально, психологически.

Западный Рим, основанный на рационализме и прагматизме, породил со временем постмодернизм и либерализм в его нынешнем виде, а также эпоху индустриализации и научно-технического прогресса. Сегодня наследниками Западного Рима являются Великобритания и США, создавшие англосаксонскую империю, Объединенная Европа и Ватикан.

Восточный Рим отдавал предпочтение иррациональным началам, мистицизму и сакральности. На его базе возникли восточные деспотии и азиатский способ производства, когда результат и конечная цель стоят выше рентабельности и прибыли. Наследницей Востока считают Россию.

Таким образом, разные части великой империи дали разные направления цивилизационного развития, которые и сегодня, спустя 1,5 тысячи лет с момента ее распада, никак не могут слиться в единое целое, что лучше всего демонстрирует русская поговорка «Что русскому хорошо, то немцу – смерть!» (и наоборот).

Томас Коул.
Путь империи. Крушение

Развитие восточной части империи мы рассмотрим в следующей главе. А вот с Западом придется разбираться, поскольку он не выдержал обрушившихся на него испытаний, захлебнулся в войнах, несправедливостях, жестокостях и тупости своих правителей и, в конце концов, погиб, освободив историческое поле более пассионарным и активным варварским народам, атаковавшим его с Севера. Варвары считали себя законными наследниками былого римского величия. После смерти Феодосия I Западный Рим агонизировал еще более полувека, 81 год, – на самом деле это достаточно большой исторический срок, жизнь практически трех поколений (СССР просуществовал меньше). И, конечно, все эти годы он жил, воевал, создавал произведения литературы и искусства. Здесь плелись заговоры и делились несметные богатства, совершались великие подвиги и не менее великие подлости.

В 410 году Рим впервые после нашествия галлов (390 до н. э.) был захвачен врагом. Полчища Алариха, вождя германского племени готов, разграбили Вечный город, оставленный на произвол судьбы своим

малодушным императором Гонорием (384–423, правил с 395 года). Рим перестал быть столицей мира и империи. Свою резиденцию Гонорий перенес в более спокойную Равенну, беспомощно наблюдая за тем, как доставшаяся ему в наследство великая страна неукротимо скукоживается до размеров мелкой провинции.

Римский дух мог возгореться после блистательных побед Флавия Аэция, талантливейшего полководца и дипломата времен преемника Гонория, его племянника Валентиниана III (419–455, правил с 425 года). Почти четверть века Аэций удерживал равновесие в империи, отбиваясь от нападений варваров и Константинополя. Его величайшим триумфом стала победа в сражении на Католаунских полях (200 км к востоку от Орлеана) над гуннами, которые считались непобедимыми. Много чего сделал Аэций для Рима: добился расширения его влияния, завоевал для него новые земли, укрепил авторитет центральной власти. И за это... был убит императором, который таким образом решил избавиться от великого современника, поскольку тот «обладал силой и доблес-

тью», вызывавшими зависть у первого лица государства. Это случилось 21 сентября 454 года. Император вызвал Аэция к себе во дворец для доклада и собственноручно зарубил его мечом, после чего якобы спросил у своего окружения: «Не правда ли, казнь Аэция прекрасно исполнена?». Ответ он получил от одного явно неглупого придворного: «Трудно сказать, прекрасно это или нет. А вот то, что Вы только что отрубили левой рукой себе правую, это точно».

Так ушел из жизни «последний из римлян», последняя надежда империи. По мнению историка Павла Диакона, «... вместе с ним пала и Западная империя, и благо государства, и их уже более не удалось восстановить». Возмущенные поступком императора военные организовали заговор и убили деспота и глупца буквально через несколько месяцев после смерти их начальника. И тогда же, в 455 году, на Рим обрушилось самое страшное нашествие: город был прак-

тически полностью уничтожен и разграблен вандалами! Именно с тех пор действия, повлекшие за собой уничтожение культуры, называют вандализмом.

Двадцать лет после этого империя существовала чисто формально. Императоры назначались Константинополем и контролировались варварами. Точку в истории Запада поставил 15-летний Ромул Август Август (ок. 460–511, правил в 475–476 годах), получивший за свой юный возраст и явную марионеточность правления прозвище «Августул» (маленький август). Примечательно, что последний император соединил в себе имена основателя Рима Ромула и основателя Римской империи Октавиана Августа. То есть как бы круг замкнулся. Циклический ход развития завершился смертью Римского проекта, и хлынувшие в Италию с севера германские племена довершили разгром. Так вновь произошло то, что было предопределено: *Север одолел Юг*.

